[illegible]
Война
или
Революция

ГРАКХ

ВОЙНА ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ

ИМПЕРИАЛИЗМ И ПАЦИФИЗМ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1926

GRACCHUS

KRIEG ODER REVOLUTION?

(IMPERIALISMUS UND PACIFISMUS)

STAATSVERLAG
MOSKAU -- 1926 -- LENINGRAD

ГРАКХ

ВОЙНА или РЕВОЛЮЦИЯ?

(ИМПЕРИАЛИЗМ и ПАЦИФИЗМ)

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО
под редакцией П. А. ЛИСОВСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА -- 1926 -- ЛЕНИНГРАД

Гиз № 11957.
Ленинградский Гублит № 5378.
8000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.

Давно уже миновало десятилетие с августа 1914 г. Но силы, породившие мировую войну, ныне еще более могущественны, чем в эпоху до катастрофы. Ведь великая война представляет собой лишь стычку по сравнению с кровавыми конфликтами, угрожающими нам теперь.

Пацифисты утверждают, что Лига Наций, радикально-буржуазное правительство во Франции, план Дауэса и Локарнский договор являются гарантиями мира. Эти иллюзии, однако, не только обманчивы, но и повышают военную опасность, убаюкивая широкие массы всех народов несбыточными надеждами. Лишь революционная борьба трудящихся масс, лишь победа на баррикадах смогут разрушить планы финансового капитала во всех пяти частях света.

Доказательству этого положения и посвящена наша работа. Она не претендует на провозглашение новых истин, а ставит себе целью дать в сжатой форме наглядную картину развития внешней политики великих держав до и после войны и охарактеризовать их стремления, направленные на новые военные осложнения.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

От начала развития буржуазного торгового капитала до эпохи свободной торговли.

Мировое господство Испании. — Мировая политика Голландии. — Нарождение мирового могущества Англии. — Французская революция и Англия. — Падение Наполеона. — Священный союз.

Начало и традиции современной мировой политики коренятся еще в XVI веке, т.-е. в эпохе великих открытий. Испанцы в 1492 году открыли Америку, а португальцы, шесть лет спустя, — морской путь в Индию. Испания и Португалия достигли уже в XVI веке национального единства.

Оба государства Пиренейского полуострова обладали централизованной правительственной властью, и национальное объединение их совершалось под знаком победоносного абсолютизма. Абсолютизм представлял собой ту форму правления, при которой лучше, чем при всех других, преуспевал примитивный капиталистический способ производства, нарождающийся торговый капитал.[1]

Из Южной Америки и Ост-Индии текли сказочные богатства. Испанский флаг был символом мощи и диктатуры на море. Горе чужестранцу, который осмеливался плыть в испанских водах под иным, не испанским, флагом: с ним поступали, как с пиратом, и он кончал свои дни на галерах. Этот путь насилия привел Испанию к сказочному процветанию. Расцвет испанского могущества совершился в короткое время. За несколько лет до открытия Нового Света свирепствовала еще самая ожесточенная борьба между отдельными провинциями и городами. Лишь

[1] Франц Меринг: «Мировая катастрофа и мировая торговля».

за два года до открытия Америки Испания превратилась в единое королевство.

С этого момента центральное правительство в Мадриде приобрело золотую основу, золотые потоки, финансовый резервуар, неисчерпаемые источники и возможности для мировой политики. Испания стала тем же, чем в античном мире был Рим. На земле царил «испанский» мир, который, как некогда римский, уничтожал народы, стирая с лица земли города и страны и совершая все это, как всегда, во имя культуры. В те времена оправданием варварства, т.-е. официальной теорией, служили не право народов на самоопределение и не национальная свобода, а католицизм.

«Убивайте и уничтожайте всех, а бог сам уже выделит своих!» — таков был лозунг.

Король испанский был одновременно германским императором, властителем Нидерландов, государем Милана, Неаполя, Сицилии, Сардинии, победителем турок и французской монархии, первым рабовладельцем в Мексике, Венецуэле, Центральной Америке, Новой Гренаде, Перу, Чили, на острове Куба и в Сан-Доминго. В Африке Карл V был христианнейшим государем Цеуты, Орана и Туниса. Армии его высадились на берегах Азии, и завоевание Филиппинских островов завершило круг, объединявший всю его мировую державу. Земной шар превратился как бы в испанскую Венецию. Моря и океаны служили каналами, страны — улицами, а материки — главными торговыми площадями. Но и эта мировая держава исчезла еще быстрее, чем древний Рим, оставив после себя несоизмеримо меньшее наследство.

Государство это рухнуло не вследствие победы внешних врагов, Голландии и Англии, а вследствие внутренних противоречий в самой Испании.

Миллионы, притекавшие из Нового Света, тратились непродуктивно, паразитически. Филипп II оставил после своей смерти огромное бремя долгов и нищету, губившую население. Производство было окончательно подорвано, города и села большого полуострова гибли скорее, чем возникали. Когда-то в одних только областях, состоявших под владычеством мавров, жило 25 миллионов людей, а около 1700 года под властью Габсбургов во всей Испании насчитывалось всего 7 миллионов населения.

Мировой политикой испанского абсолютизма руководили феодальное дворянство и представители церкви. Эти два сословия твердо держали кормило правления в своих руках. Представители собственно буржуазного торгового капитала не имели силы в государстве. Королевская власть, экономически обеспеченная золотым потоком из колоний, подавляла зародыши буржуазной силы и культуры. В этом и заключалось историческое противоречие, и об это-то противоречие и разбилось в течение каких-нибудь десятилетий все могущество Испании.

* * *

Наследие испанцев досталось Голландии. И Голландия в течение XVII века обладала гегемонией. Эта маленькая страна, расположенная на морском берегу, была, в сущности, классической почвой для буржуазного торгового капитала. Испанский король Карл V не осмелился нарушить гражданскую свободу голландских городов. Когда же Филипп II, в своем безумном увлечении властью, попытался обращаться с экономически высоко развитой Голландией так же, как с Сан-Доминго в Америке или с Тунисом в Африке, он был побежден голландским купцом. Великая Испания сделалась экономически зависимой от промышленности маленьких Нидерландов. Испания вынуждена была покупать якоря, гвозди и паруса для своих кораблей в Голландии, а Голландия диктовала цену. Против этого ничего не могли поделать мадридские генералы со своими когортами. Могущество Испании не было здесь экономически обосновано. Военная сила должна была, как часто до и после этого, капитулировать перед хозяйством. Голландский купец был революционером настоящего и господином будущего. Из той свободы, с которой он диктовал цены, он сделал выводы в сторону духовной свободы и эмансипации; он был кальвинистом, ревнителем веры и полагал, что «торговля должна быть свободной повсеместно, вплоть до самой преисподней: если господин Сатана хорошо заплатит, его желания будут исполнены в точности».

Испанские попы и дворяне не были торговцами. Работа была для них наказанием, рабством. Они хотели превратить Испанию в страну чистого потребления, а не

производства. Голландские купцы мыслили и поступали иначе. Они завоевали испанские колонии, но, тем не менее, с максимальным напряжением сил развивали промышленность и торговлю в собственной стране. Шерстяные фабрики Лейдена и Гаарлема, верфи по берегам рек и моря, интенсивная обработка ввозимого сырья, система водных и сухопутных путей сообщения, земледельческая культура,—все это сделало Голландию самою могущественной страной XVII века.

В мировом производстве Нидерланды занимали такое же место, как, позднее, Англия до XX века: они были фабрикой для всего мира. Материки должны были поставлять туда сырье для обработки, точно в свою метрополию. Но и тут были превзойдены границы возможного. Как некогда для Испании, так и для Голландии пробил роковой час в процессе роста и отмирания. И вот перед нами логика фактов: голландский купец презрел законы экономики. Безумные стремления к могуществу привели маленькую страну к гибели. Голландский купец смотрел на себя, как на владыку мира, и не замечал, что и другие страны развивались и шли вперед, и что Голландия впутывалась в военные конфликты с Англией и Францией. Амстердамские купцы под свободой торговли понимали, конечно, лишь свободу своей собственной торговли. Они желали завладеть всемирной торговой монополией. Поэтому страна должна была содержать громадный флот и большое войско. Однако, занимая лишь узкую прибрежную полосу, она, как база, была слишком слаба для борьбы со всем миром, и тот же закон политической географии, который в древности уничтожил жизнь и могущество финикиян, потребовал теперь жизнь и Голландии.

* * *

Наследие Голландии досталось Англии.

Почти все колонии Нидерландов перешли в английские руки. Буржуазный торговый капитал обрел на британских островах прочную основу. Англия сама имела сырье. Здесь было заложено будущее труда и завоевания мира.

Земледелие, ремесла и фабричное производство создали здесь буржуазию, сознающую свои силы. Она смело утвердила свое политическое бытие великой революцией, которая сняла голову с плеч божьего помазанника, короля,

и уничтожила силы феодализма. Как позднее—во Франции, и как в наши дни—в России, так же и здесь нация была поднята к единству и могуществу революцией.

Кромвель в 1651 г. издал Акт о Мореплавании, установивший монополию на море. Ни один чужой корабль, ни один чужой флаг не смели появляться в английских водах. Существует географический закон, который сводится к следующему: остров, достигший, благодаря своим обитателям, политической мощи, может удержать ее двумя способами: или замкнуться словно в ореховой скорлупе и отгородить себя от внешнего мира и против него, (подобно Японии несколько десятилетий тому назад) или же распространить могущество острова на все моря и океаны. Англия, побуждаемая силой своих экономических законов, избрала второй путь, т.-е. путь расширения. Морское могущество Нидерландов было окончательно сломлено в 1653 г. Оставалось еще победить Францию. После этой победы Англия не имела бы больше соперников, она сделалась бы сильнее, могущественнее, крепче, чем когда-либо Голландия и Испания. Начавшаяся тогда борьба с Францией продолжалась до наших дней и кончилась после Фашоды в 1904 г. политической, в мировом масштабе, капитуляцией третьей республики перед Англией.

* * *

Франция победила Испанию на материке и сделалась первой европейской державой. Гегемония Людовика XIV была первой диктатурой Франции в Европе. Но пути ее шли наперерез морским путям, ведшим Англию к сырью и к богатствам мира. Людовик XIV хотел властвовать на всех материках так же, как в Европе. Но объединенная великой революцией Британия уничтожила флот «Короля-Солнца» в 1693 г. при Ла-Гоге. Это было первое большое поражение, понесенное Францией в масштабе мировой политики; французской буржуазии не суждено было обладать правом морской торговли. Лишь после падения Бурбонов началась борьба республиканской Франции, борьба триколоры [1] за то же право торговли.

---

[1] Триколора—трехцветное знамя Французской республики. *Прим. перев.*

Трехцветное знамя и императорская гвардия хорошо поработали на материке.

Наполеон, этот император-плебей, этот чужестранец, деспот и кровопийца, — Наполеон играл коронами, таскал за уши германских и итальянских князей и князьков, унизил русского царя, запер папу в золотую клетку, напугал старую Европу, открыл путь к освобождению крестьян и мобилизовал за и против себя молодое поколение всего материка. Штыками своих чудо-санкюлотов, бывших цареубийц, он создал современную Европу и проложил путь для силы пара, которая еще на его глазах, в один прекрасный день, двинула на Сене суда и триумф которой он предсказал. Однако, и его мощь имела предел, и этим пределом была Англия. Этот остров погубил его. Германская молодежь и германские государи играли в освободительную войну, но им это не совсем удалось: им было суждено лишь освободить английский торговый капитал от конкуренции Франции и европейского материка.

На бельгийских полях, в битве при Ватерлоо, одержала победу английская морская держава. Наполеон выбыл из царства живых людей. На острове святой Елены ему до самой смерти приходилось видеть, насколько прочной основой было море для Англии и насколько шаткой суша— для него. И тем не менее — Ватерлоо знаменует собой и поражение Англии. При Ватерлоо победила оборонительная коалиция союзников. Но при Ватерлоо же возникли и национализмы Европы.

После Ватерлоо возникла Германия. После Ватерлоо началась экспансионистская политика России против Англии. После поражения Бонапарта развилась промышленность в европейских странах и стали расти конкуренты Англии. И здесь, на бельгийских полях сражений мы опять видим развитие, подчиняющееся диалектическому закону. Наполеон мог быть побежден лишь своей собственной стратегией, на основании его собственного принципа: массой, вооруженной массовой армией. Эти массовые армии, зачатки образующихся национальностей, уничтожив Наполеона, своего собственного создателя, нанесли удар и своему союзнику, Британии. Ничто не могло быть столь опасным, смертельным для мировой политики Англии, как образо-

вание единой Германии и объединенной Италии (результаты, предпосылкой которых была победа при Ватерлоо!) и, как необходимое последствие, неизбежность наступательной политики России в Азии.

* * *

После поражения Наполеона, в эпоху Священного союза, мир продолжал итти к капитализму, а машина продолжала изменять мир. Тщетно вновь испеченный французский король, Карл X, ежедневно ходил к мессе, тщетно австрийский император, русский царь и король прусский ежедневно, вновь и вновь, предавали анафеме «проклятую» революцию. Тщетно также Меттерних ежедневно проявлял свой полицейский гений. Священный союз не мог долго существовать, — вследствие развития капиталистических сил в сторону образования национальностей. Умирающему феодализму не мог помочь и Священный союз: французская революция с ее идеями и последствиями, с изменением всего способа производства, неудержимо шла вперед. Были построены первые европейские железные дороги: в Англии в 1825 г., во Франции в 1827 г., в Германии в 1835 г. Не только Англия, но и вся Европа, все больше и больше становится промышленной мастерской. Начинается европеизация земного шара. Все пять частей света начинают изменять свою внешность на европейский лад. Купец, техник, безработный, авантюрист — все едут в Америку. Этот процесс европеизации мира одновременно обозначает процесс освобождения всех пяти частей света от англиканизма. Конечно, все это лишь смутные тенденции, результаты которых должны были сказаться лишь десятки лет спустя. Гомер Ли [1] пишет по этому поводу:

> «В конце наполеоновских войн примитивный характер экономических потребностей Европы и большое расстояние всех британских владений от Европы разрешали в течение некоторого времени параллельное развитие британских и континентальных интересов. Путь к огромным владениям Англии шел через море, а морская мощь Англии обеспечивала этот

[1] Гомер Ли: «Роковой час Британской империи».

путь. Около середины XIX века в Европе не только начался перелом в развитии политических идеалов, но началась и эра технических изобретений. С каждым десятилетием обеспеченность Англии становилась все слабее. Паровая машина и осуществление национального принципа были первыми врагами британского могущества».

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Европейская политика после 1870 года.

Объединение Германии. — Внешняя политика Бисмарка.

Объединение Германии не было результатом революционного движения. Победила не церковь св. Павла 1848 г.,[1] а Пруссия, партия дворян и трехклассовая избирательная система. Германская буржуазия не сумела объединить нацию. Однако, развитие капитализма вело к национальному государству. Глашатаями и поборниками его были Мольтке, Бисмарк и германская армия. Германской буржуазии не оставалось ничего другого, как взять на себя роль клакеров и кричать ура.

Бисмарк ввел всеобщее избирательное право в надежде использовать его, по примеру Наполеона III, против демократии и революции. Руководящую роль в новой Германской империи сохранила за собой Пруссия: ее министр-президент был одновременно имперским канцлером, опиравшимся на всеобщее избирательное право и на дворянский парламент в Берлине. Установлением охранительных пошлин государственная власть оказала сильнейшую поддержку промышленности и сельскому хозяйству. Германская буржуазия не имела за собой ни героической истории, ни традиций, и лишь весьма безобидные годы юношеского задора. Буржуазию манили крупные барыши, и заботу о государстве и политике она охотно предоставляла бюрократии и феодальному офицерству—словом, монархической головке. После франко-прусской войны, после 1871 года, капитализм в Европе нуждался в мире. Еще не умерли грезы о свободной тор-

---

[1] В церкви св. Павла во Франкфурте, в 1848 г., заседало общегерманское учредительное собрание. *Прим. перев.*

говлей, особенно в Англии. Процесс развития в сторону современного империализма еще только намечался, и в начале этой эпохи, которой суждено было сделаться самой кровавой во всей истории, люди жили в сладчайших иллюзиях вечного мира. Однако, в эту «мирную» эпоху плелись новые сети, возникали новые конфликты, которые пришлось изживать нашему поколению: в Азии — между Англией и Россией, а в Европе — между Германией и Англией.

В этот период свободной торговли Британия, по выражению Гомера Ли, «стремилась уйти с полей сражения и все же, под разными предлогами и отговорками, сохранить за собой сокровища тысячи ограбленных городов». Между тем, апостолы свободной торговли провозгласили тезис о вредности колониальной политики, будучи уверены, что лишь одна Англия в состоянии вывозить товары.

* * *

Тем временем Бисмарк вел внешнюю политику новой германской империи. Он вел ее искусно, сознавая ее подводные камни и опасности. Он знал, что победа Германии, что Седан изменили соотношение мировых политических сил и больше всего боялся таких их комбинаций, которые стремились действовать против новой империи. Он хотел быть третейским судьей в Европе и стремился как можно глубже разъединить другие державы, сделать невозможным их объединение против Пруссии - Германии. В 1873 году был заключен союз между Германией, Австро-Венгрией и Россией. Союз этот распался вследствие разногласий между Россией и Австро-Венгрией по балканскому вопросу.

Первый имперский канцлер избегал какой бы то ни было колониальной политики, чтобы не итти наперерез путей Англии. Он знал, что всякая попытка стать поперек дороги Англии сделает столкновение с нею неотвратимым.

Вскоре после победоносного окончания войны Бисмарк был вовлечен в дипломатический конфликт почти со всеми теми европейскими державами, которые впоследствии оказались победителями Германии и мировой войне. Конфликт этот возник из-за второстепенного вопроса, касавшегося французских вооружений, и показал Бисмарку в зародыше

все опасности, которых не понял германский генеральный штаб, в особенности Мольтке, математически точно высчитавший, что он может сколько угодно раз побить Францию. Бисмарк же,—в противоположность своим преемникам, — придерживался мнения, что генеральный штаб армии существует для интересов политики, а отнюдь не политика — для генерального штаба. Изолированная Германия не могла существовать среди всех этих союзов ни политически, ни как военная сила. Выбор Бисмарка должен был пасть на Австро-Венгрию, между прочим, и потому, что между этим государством и Англией не было непосредственных противоречий интересов. Двойственный союз был заключен в 1879 году. Этот союз расширился в 1882 году, благодаря вступлению в него Италии. Италию Бисмарк привлек тем, что тайно поддерживал колониальную политику Франции в Африке, оказав ей содействие в приобретении Туниса и создав тем самым разногласия между третьей республикой и Италией. Союз с Италией, однако, имел своей предпосылкой хорошие отношения с Англией, ибо английский флот мог парализовать всякий жест аппенинского королевства. Тенденции германской политики носили континентальный характер и не были направлены в сторону мировой политики, несмотря на мелкие колониальные авантюры в конце управления Бисмарка.

Бисмарк понимал, что при данном развитии мировых политических сил Германия не может быть одновременно первой сухопутной и первой морской державой. Возможно, что его пугали призраки былого: ведь Испания, Голландия и Франция потерпели крушение именно из-за желания обладать величайшими в мире армией и флотом. Кроме того, экономические силы, в конечном счете, работали для мощи германской буржуазии, а средства производства достигли колоссального расцвета. Зачем форсировать развитие, зачем нарушать его ход так, на авось?! Но его эпигоны думали иначе: настало время фанфаронов, на престол германских кесарей вступил Вильгельм II!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Колониальная политика и экспорт капитала.

В течение двух десятилетий после франко-прусской войны шла лихорадочная работа по разделу мира. Империалистическая колониальная политика открыла новую часть света: Африку. Везде, во всем мире, где находились богатства или лишь предполагались таковые, сталкивались крупные капиталистические державы, готовые направить друг против друга жерла пушек. Если когда-либо колониальные народы напишут свою историю,—это будет самая ужасная книга человечества. Европа знакома с историей колонизации лишь теоретически, из книг по политической экономии. Но негры с берегов Конго, арабы, марокканцы, сиамцы, китайцы — те знают колониальную историю с другой стороны. Они знают ее, как путь своей гибели, как ряд бесконечных мучений. В колониальной политике, в ее практических методах и опытах, все государства, все великие державы—все финансовые группы—постарались превзойти друг друга в подлости.

«Европа — материк дикарей», — сказал Жан Жорес во французской палате депутатов, и эта фраза представляет собой девиз любой европейской или американской колониальной истории.

Развитие и распространение колониальных территорий в период времени между 1871 и 1916 годами рисуется в следующем виде: [1]

---

[1] Альфред Циммерман: «Колониальные владения великих держав».

	Площадь в кв. километр.		Количество насел.	
	1871	1916	1871	1916
Великобритания	20 459 000	29 760 000	159 750 000	374 689 000
Россия	14 901 000	17 166 000	5 500 000	32 229 000
Португалия	1 917 000	2 090 000	3 873 000	7 400 000
Нидерланды	1 775 000	2 045 000	22 435 000	38 035 000
Франция	1 206 000	10 552 000	6 469 000	55 190 000
Испания	303 000	232 000	6 500 000	220 000
Дания	121 000	193 000	40 000	124 000
Соедин. Штаты	—	307 000	—	9 677 000
Италия	—	1 584 000	—	1 300 000
Германия	—	2 913 000	—	16 000 000
Бельгия	—	2 382 000	—	20 000 000
Япония	—	332 000	—	13 575 000

Империализм, в сущности, не связан необходимым образом с капитализмом. Другими словами, империализм существовал еще до того, как развился капитализм и стал господствовать над миром. Наоборот, капитализм немыслим без империализма, без него он — утопия.[1]

Древняя Финикия, древние греческие города, республиканский и императорский Рим, — все они стремились к такому расширению, какое вообще допускали законы географии. В этом проявляется стремление к мировому господству, стремление господствующих классов расширить обеспеченный внутренний рынок, довести до высшей точки законы прибыли, опираясь на труд рабов или на наемный. Даже империализм капиталистической системы прошел через различные фазы развития. В начальном периоде капитализма, в эпоху свободной торговли, вывозили товары. В то время буржуазные экономисты заявляли, что свободная торговля представляет собой естественный и непреложный закон. По мнению английских мировых политиков, свободная торговля, рано или поздно, должна будет заменить собой колониальную политику; английский премьер Гладстон счи-

---

[1] Это положение автора расходится со взглядом на империализм, как на монополистическую фазу капитализма. Эта теоретическая неправильность не мешает, однако, автору связывать, вполне по-марксистски, империалистическую экспансию с экспортом капитала. *Прим. ред.*

тал колониальную политику пережитком средневековья, инквизиции и сожжения ведьм. В одной из своих речей он сказал:

«Прочность добрососедских отношений обеспечивается не депешами с Даунинг-Стрита, [1] а безмолвным расположением и моральными и социальными симпатиями, которые могут существовать лишь между свободными и высоко развитыми государствами».

Все это относится, приблизительно, ко времени между 1860 и 1880 годами. Между тем, разделение труда в капитализме между промышленностью и сельским хозяйством становилось все более и более неравным, а экономическое стремление промышленных государств к захвату земледельческих стран делалось все сильнее. Целый ряд аграрных государств превратился в промышленные государства. Вывоз товаров дошел до своих пределов, производство же товаров все росло и росло. Площадь потребления все сокращалась. В то же время образовались могущественные монополии, крупнейшие заводы концентрировались в руках немногих промышленников. Все это происходило в начале XX века и означало нарождение нового капитализма. Картели становятся основой производства. Час рождения нового империализма пробил. Мировой рынок ограничен,—теперь приходится вывозить капитал. Банки начинают играть важную мировую политическую роль. Капитал из банков течет в промышленность, все более и более контролирует ее, ведет свою собственную политику. Капитал, как это установил Гильфердинг, [2] превратился в финансовый капитал, в «капитал, находящийся в распоряжении банков и в применении в промышленности».

Этот финансовый капитал помещался в более бедных капиталистических странах, в аграрных государствах и колониях. Несколько могучих промышленных государств держат теперь в своих руках финансовую диктатуру над всем миром. Ленин писал об этом в своей книге «Империализм, как новейший этап в развитии капитализма».

---

[1] Даунинг-Стрит — улица, где помещается английское министерство иностранных дел.

[2] Руд. Гильфердинг: «Финансовый капитал». *Прим. перев.*

Общую сумму ценных бумаг в мире в 1910 году Неймарк определяет приблизительно в 815 миллиардов франков. Вычитывая приблизительно повторения, он уменьшает эту сумму до 575—600 млрд. Вот распределение по странам (берем в миллиардах):

Сумма ценных бумаг в 1910 г. (миллиарды франков):

Англия	142	479
Соед. Штаты	132	
Франция	110	
Германия	95	
Россия	31	
Австро-Венгрия	24	
Италия	14	
Япония	12	
Голландия	12,5	
Бельгия	7,5	
Испания	7,5	
Швейцария	6,25	
Дания	3,75	
Швеция, Норвегия, Румыния и пр.	2,5	
	Сумма 600	

По этим данным сразу видно, как резко выделяются четыре наиболее богатые капиталистические страны, владеющие каждая приблизительно от 100 до 150 млрд. франков ценных бумаг. Из них две—самые старые и, как увидим, наиболее богатые колониями капиталистические страны: Англия и Франция; другие две—наиболее передовые капиталистические страны по быстроте развития и по степени распространения капиталистических монополий в производстве— С. Штаты и Германия. Вместе эти четыре страны имеют 479 млрд. франков, т.-е. почти 80% всемирного финансового капитала. Почти весь остальной мир, так или иначе, играет роль должника и данника этих стран.

Следующие цифры показывают, какие капиталы три главные страны Европы поместили заграницей:

Заграничный капитал в миллиардах франков.

Год.	Англия.	Франция.	Германия.
1862	36	—	—
1872	15	10(1869)	—
1882	22	15(1880)	—
1893	42	20(1890)	—
1902	62	27—37	12,5
1914	75—100	60	44

Отсюда мы видим, что вывоз капитала достиг исполинских размеров лишь в начале XX века. До войны помещенный за границей капитал трех главных стран Европы выражался в сумме 175—200 миллиардов франков. Доходы с этого капитала при скромном исчислении из 5% должны в год давать сумму 8—10 миллиардов франков. Какая солидная основа для империалистического гнета и эксплуатации большинства народов и стран мира капиталистическим паразитизмом небольшой кучки богатейших государств.

Разделение мира между великими державами соответствовало колоссальному развитию внутри каждой отдельной страны. Каждое государство имело возможность перебросить на любой пункт земного шара любое количество товаров и любое количество людей. Теперь дело шло о борьбе за пути сообщения, о борьбе за количество товаров, которое должно было перевозить каждое отдельное государство, о борьбе за процент в общей сумме вывозимого капитала. Эта борьба не исключала возможности интернацонального объединения монопольных компаний, картелей и трестов. И это интернациональное объединение было тоже одной из форм борьбы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Политические силы, приведшие к мировой войне.

Великобритания и Ирландия. — Франция. — Россия. — Америка. — Германия. — Германская мировая политика. — Роль подданного в мировой политике. — Путь к катастрофе. — Китай. — Марокко. — Багдадская железная дорога. — Ложь о войне.

Великобритания и Ирландия имели в 1913 году общий торговый оборот в 28,6 миллиардов марок. Они получили товаров на 13 450 миллионов и вывезли и обработали сырья на 10 720 миллионов марок. Потребление угля выразилось в 4,01 тонны на каждого жителя. Развитие колониального господства Англии сделало за последние 30 лет XIX века больше успехов, чем в гораздо более продолжительные периоды в ранние эпохи. Это было результатом колоссального вывоза капитала, начинающегося экспорта капитала. Хронологическое развитие английской колониальной империи представляется в следующем виде:[1]

Год.	
1871	Западная часть Гриквaланда (Южная Африка).
1874	Острова Фиджи (Полинезия).
	Кимберлей (Южная Африка).
	Остров Сокотра (Красное море).
1878	Кипр (Средиземное море).
	Страна Пиндо (Южная Африка).
1879	Китовая бухта (Юго-западная Африка).
1881	Северная часть Борнео.
1882	Египет.
1883	Часть Белуджистана.
	Части полуострова Малакки.

[1] Заимствовано из книги: «Трагедия Германии».

1884 Верхний Нигер (Северо-восточная Африка).
Страна Сомали.
Страна Базуто (Южная Африка).
Южная часть Новой Гвинеи.
1885 Страна Бечуанов (Южная Африка).
Бухта Лючиа (Южная Африка).
Части Соломоновых островов.
Малые Антильские острова (Вест-Индия).
1886 Область по верхнему Нигеру.
Верхняя Бирма (Индия).
Северные части Белуджистана.
Острова Кермадек (Полинезия).
1887 Страна Зулусов (Южная Африка).
Части Занзибара и Баганга.
1888 Острова Кука, Манихики и Фарминга (Полинезия).
Северный Борнео.
1889 Родезия (Южная Африка).
Некоторые острова в Полинезии.
1890 Британская Восточная Африка.
Северная часть Ост-Индии.
1891/96 Дальнейшие захваты на Нигере, в Восточной Африке, в Полинезии, на индо-афганской границе, в Южной и Западной Африке.
1896 Ашанти и Золотой берег.
1897 Части Северной и Южной Нигерии.
1898 Вейхайвей (Китай).
1899/1902 Завоевание Трансвааля и Оранжевой республики.

После Фашоды Британия разрешила конфликт с Францией: Франция пошла на капитуляцию. Путь в Индию, представляющий собой основную ось Британской империи, отныне находился под угрозой только со стороны России и Германии. Вдоль русско-английской границы в Азии, на протяжении десятков тысяч километров, кипела в течение нескольких десятилетий глухая борьба. Она проявлялась в ряде бесконечных интриг в Афганистане и Персии и в вечно натянутых отношениях между обоими соперниками, неоднократно чуть-чуть не доводивших оба государства до объявления войны. Борьба эта кончилась поражением России. Но побеждена была Россия

в Азии не Англией и не на индийской границе, а Японией под Порт-Артуром. Эта победа Японии была освобождением для Англии. Она устранила необходимость англо-русской войны. Она означала отказ царской России от дальнейшей экспансии. Асквит, бывший английский премьер, писал в своих мемуарах о мире с Россией в Азии:

«Сэр Эдуард Грей, принявший в декабре 1905 г. министерство иностранных дел из рук лорда Лендсдоуна, продолжал и развивал дело, начатое его предшественником, и наши издавна существовавшие недоразумения с Россией в Западной и Центральной Азии были окончательно ликвидированы англо-русской конвенцией от августа 1907 года. Не будет преувеличением сказать, что этот договор раз навсегда положил конец русской угрозе в Индии, угрозе в течение многих поколений смущавшей душевный покой британских государственных деятелей и дипломатов, и даже таких, у которых на руках были самые крупные козыри».

С этого времени у Англии в Азии оставался лишь один враг: Германия. С этого времени и до начала войны главной целью английской экспансии и господствующей тенденцией в политическом, географическом и историческом отношениях является создание нераздельного африканско-азиатского государства от Нила до Янц-цзы-цзяна и от мыса Доброй Надежды до Каира.

* * *

Общий торговый оборот Франции достиг в 1913 году суммы в 14,8 миллиардов марок в год. Потребление угля составляло 1,95 тонны на каждого жителя.

Франция после 1870 года захватила в Африке большие колониальные владения. Здесь, в бассейне Средиземного моря, у Франции была старинная политическая традиция, восходившая еще к тем временам, когда рыцари «без страха и упрека» и французские крестоносцы с кликом «так хочет бог!» на короткое время завладели страной, где, «как говорят», жил и умер Христос. В Константинополе, во всей Малой Азии и в Египте французский посол еще

задолго до революции был могущественной персоной. Гениальный министр Кольбер разработал и отчасти провел в жизнь широкую торгово-политическую программу. Чем сильнее и централизованнее становилась древняя королевская власть Бурбонов, тем легче жилось марсельским купцам, в особенности потому, что Испания прозябала в полнейшем упадке, а Италии в качестве политической единицы еще не существовало. Поход Наполеона в Египет был в духе традиционной восточной политики Франции; его славная экспедиция через блокированное море и через пустыню к пирамидам была живой исторической необходимостью, вытекавшей из всей внешней политики Бурбонов, ибо она была продиктована буржуазным стремлением торгового капитала к расширению. Поход Бонапарта должен был нанести удар Англии. Однако, это начинание потерпело неудачу, и Гибралтар и впредь остался английской крепостью для защиты Индии. Компромисс, заключенный впоследствии буржуазной республикой с Англией по вопросу о Средиземном море, сводился приблизительно к следующему: Франция может расширять свое господство на Средиземном море до тех пор, пока не станет тревожить пути Англии в Индию. Этот предел — не тревожить путей в Индию — Францией соблюдался и он же являлся также пределом для экспансионистской политики Франции на востоке.

Третья республика поместила до войны 60 миллиардов франков за границей. Она была государством-рантье, где паразитическая форма капитализма достигла наивысшего расцвета; эта страна нуждалась в обширной колониальной базе для помещения капитала и желала иметь резервуар в Африке для борьбы на европейском материке. Африка не была утешением за Седан,—она была приготовлением к реваншу.

Оккупация Алжира в 1830 году положила основание для возникавшей колониальной империи. Впоследствии были завоеваны еще Тунис и Марокко. Ради более удобного сообщения с колониями и для пополнения недостатка в населении, третья республика стремилась теснейшим образом связать колонии с так называемой метрополией. Французский государственный деятель Мелин высказал следующее мнение:

«При хорошей колониальной организации производство колоний должно быть ограничено поставкой сырья и продуктов, которых мы сами не можем дать».

Сенатор Л. Ибер, докладчик по бюджету министерства иностранных дел в 1918 году, между прочим, сказал:

«Наши колонии ценны для нас тем, что они у нас покупают и нам продают; они ценны возможностями помещения капитала, которые они нам предоставляют, инициативой, которую они требуют от нас, выгодой, которую мы из них извлекаем, и даже деньгами, которые мы на них тратим, ибо эти деньги не выходят за пределы Франции и тратятся на пользу наших промышленников, поставщиков нашей администрации и нашей армии».[1]

Целью третьей республики было создание великой французской Северной Африки, африканской колониальной империи между Средиземным морем, Атлантическим океаном и Конго. А в Марокко, Того, Камеруне, — всюду третья республика на пути к своей добыче встречала угрожающую ей Германию. Африка не могла залечить раны французского национализма, не могла похоронить память о 1870 годе. Наоборот, во всей колониальной области третьей республике все напоминало, что рано или поздно наступит новый, решительный Седан. Германия была и оставалась ее врагом.

* * *

Распространение русского господства до войны, экспансивная политика царской власти имела иные экономические предпосылки, чем расширение Англии или Германии. Россия вела экстенсивное примитивное колониальное хозяйство. В эту эпоху принимались во внимание почти исключительно одни военные соображения. Военно-бюрократическая каста распространяла в течение двух веков свое господство на восток в бесконечные простран-

---

[1] Эдгар Пребстер: «Франция на Востоке», в «Preussische Jahrbücher», том 195, выпуск II.

ства Сибири и все более стремилась достичь на юге индийской границы. В самой России был размещен финансовый капитал Франции, Англии и Германии. Ленин приводит статистические данные, согласно которых, например, в русских банках были помещены 1272,8 милл. золотых рублей немецкого капитала, 408,4 милл. английского и 1373 милл. французского.

«Согласно с этими данными, — говорит Ленин, — из четырех миллиардов рублей, составляющих активный капитал крупных банков, более ¾, т.-е. более 3 миллиардов, падают на банки, которые, в сущности, являются филиальными отделениями иностранных банков, в первую голову — парижских и берлинских».

Основание русско-азиатского государства было заложено Москвою в XVI веке. Торговцы мехами и казацкие атаманы завоевали обширные пространства Сибири. Наполеон хотел вместе с царем Александром I нанести удар Англии в Индии. Вследствие поражения наполеоновской армии на бельгийских полях, русская политика приобрела острие, направленное против Англии. После 1800 года главной целью России были Персия, Грузия и, особенно, Баку. В 1840 году англичане, желая предупредить русских, захватили Кабул. Крымская война 1854 — 56 гг. превратила Россию в европейский рынок. Буржуазно-капиталистическое развитие проложило себе путь и к царской России. Французский и германский финансовый капиталы поддержали на долгое время жизнь абсолютизма, поместив крупные суммы в России. Абсолютизм после долгих колебаний и дипломатических неудач стал на сторону союза с Францией.

Союз с Россией дал французской республике, на ряду с выгодным военным положением и рынком для вывоза капитала, еще и товарный рынок величайшего аграрного государства Европы.

Россия получила теперь поддержку Франции на Востоке, но здесь, в Малой Азии, царская Россия снова наткнулась на врага, на Германию, строившую свою Багдадскую железную дорогу. Таким образом, огромной русской территории был бы закрыт свободный доступ к морю. Величайшее материковое государство было отделено от освобождающегося океана как бы тонкой, ощетинившейся

пушками стеной, — Дарданеллами.[1] Это обстоятельство было основой идеологии панславизма. Путь к морю вел не только через Турцию, но и через славянские государства. Отсюда и вытекала экспансионистская идея российского правительства о том, что все эти государства, «в сущности», — русские. Весь славянский мир должен был превратиться в русский. Целью было установление великой демаркационной линии через весь европейский материк: Данциг—Прага—Триест, от Данцигской бухты к—Адриатическому морю. Этим московскии вожделениям противодействовало еще одно государство — политический труп, политическое образование, о существовании которого приходилось вспоминать лишь при чтении о нем. Это государство — Австро-Венгрия — являлось, однако, союзником Германии.

* * *

До мировой войны основой мировой политики было соотношение сил в Европе. Весь мир был европеизирован. Европа была великим центром капитализма. Отсюда был дан толчок к развитию всего процесса, который Карл Маркс описал в «Коммунистическом Манифесте» в следующих словах:

«Буржуазия вводит в круг цивилизации все, даже варварские, народы быстрым улучшением орудий производства и безграничным облегчением способов сообщения. Дешевые цены ее товаров представляют собой тяжелую артиллерию, с помощью которой она разрушает все китайские стены и принуждает к капитуляции самую упорную ненависть к иностранцам. Она принуждает все нации принимать способ производства буржуазии, если они не желают погибнуть. Она принуждает их вводить у себя так назы-

---

[1] Артур Дикс: «Вопрос о проливах и его экономическое значение». — «В довоенное время через проливы шел вывоз продуктов, ценность которых исчислялась в три с половиной миллиарда марок. Эта сумма соответствовала общему вывозу всей Южной Америки и превосходила даже общий вывоз британской Индии. Все сношения с Черным морем и с обширными странами, лежащими за ним, сосредоточивались в Константинополе, который, с общим тоннажем прибывающих и отбывающих судов круглым счетом в 14 миллионов регистровых тонн, занимал одно из первых мест среди мировых гаваней».

ваемую цивилизацию, т.-е. превращаться в буржуазию. Другими словами, буржуазия создает для себя мир согласно со своей собственной волей».

А на другом полушарии, по образу Европы, образовался мир, свободный от всех феодальных традиций, без предков и без тяжкого гнета прошлого. Здесь мертвые не имели права голоса, здесь значение имел лишь кулак живых людей.

Соединенные Штаты Америки возникли при зарождении капитализма; природа одарила их всеми богатствами, всеми видами сырья для самого мощного развития производства. Вот почему они могли вступить на путь победы над историей и традицией Старого Света.

Перед нами игра судьбы! Уже в десятом веке норманны достигли Америки через Исландию и Гренландию. Но тогда, в дни средневековья, этот поход имел не большее значение, чем поездки туристов. Старый Свет еще не мог использовать Новый. Америка должна была сделаться подарком для нарождающегося капитализма. Америку забыли. Около 1400 года всякие сношения между Америкой и Европой прекратились. Лишь сто лет спустя, когда началась мировая политика торгового капитала, Америка вновь поднялась из-за океана и сделалась для Европы реальной страной. Все, к чему способен человек, было здесь выявлено. До середины XIX века люди и товары перевозились здесь только по дорогам и рекам. Но уже в 1913 году тоннаж судов, прибывших в Северо-американские гавани, достиг 8 миллионов тонн. С 1821 до 1913 года в Соединенные Штаты переселилось 31 миллион людей.

Американское производство всегда шло во главе капиталистического развития. В XVI веке Европа показала Америке пути, по которым пошли Соединенные Штаты, но, несколько столетий спустя, уже Америка указывала путь европейской промышленности.

До начала XX века капиталистическая концентрация, — тресты и картели, — достигла наибольшего развития именно в Америке.

«На первом месте находилась химическая промышленность. В ней 15 трестов контролировали 250 предприятий, занимали 28% всех рабочих и доставляли

33,4% всей продукции; затем шла железная и стальная промышленность, в которой 40 трестов занимали в 447 предприятиях 19,8% рабочих и доставляли 28,4% всей продукции. В производстве напитков соответствующие цифры составляли 12,1% и 22%, в пищевой промышленности — 10,6% и 12,6%, в табачной — 12,4% и 21,2%, на транспорте — 10,9% и 16,9%, в металлической (за исключением железной промышленности) — 10,8% и 24,1%. В текстильной промышленности было всего лишь 8 трестов, занимавших в 72 предприятиях 37% всех рабочих и доставлявших 4,4% всей продукции.

«Для позднейших времен нет такой полной статистики трестов. Согласно частным данным, уже в 1907 году в Соединенных Штатах было 250 монополистических организаций, капитал которых составлял в круглых цифрах 7 миллиардов долларов, а в 1913 году — даже 12 000 «обществ финансирования» с капиталом в 10 миллиардов долларов. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что хозяйственная и культурная жизнь Америки находится под большим влиянием трестов. Там монополизировано даже производство учебников, которые должны, естественно, заключать в себе лишь такой учебный материал, который кажется руководителям трестов «безвредным».[1]

До войны американский капитализм располагал безграничным внутренним рынком, и взаимоотношения между промышленностью и сельским хозяйством не были столь непропорциональны, как в крупных странах Европы. Поэтому империализм Соединенных Штатов носил скорее специфический американский характер. Первоначально он получил свое выражение в известной доктрине президента Монрое, заявившего 2-го декабря 1823 г. в послании Конгрессу следующее:

«Было признано уместным использовать повод, чтобы заявить в качестве принципа, с которым связаны права и интересы Соединенных Штатов, что американские материки в силу свободного и незави-

[1] Нахимсон: «Мировое хозяйство до и после войны».

симого государственного устройства, которого они достигли и которое они желают сохранить, впредь не могут быть рассматриваемы, как объект колонизации со стороны какой-либо европейской державы... Мы не должны и не будем вмешиваться в судьбу существующих колоний или протекторатов какой-либо европейской державы»...

Это заявление в продолжение некоторого времени оставалось основой американской политики по отношению к Европе. Однако, процесс отхода от этого принципа делал все большие успехи параллельно с ростом американской промышленности. Так, напр., в марте 1867 г. была куплена у России Аляска за 7 200 000 долларов. Дальнейшей целью американского империализма был захват испанских колоний, и эта цель была достигнута в кровопролитной войне. А в Тихом океане империализм Соединенных Штатов совершал свое дело с большими перспективами на будущее. Здесь, однако, Америка столкнулась с Японией, Англией и Россией, и здесь, на берегах Тихого океана, была создана почва для конфликтов послевоенного времени; здесь суждено было возникнуть опасностям, угрожающим жизни будущих поколений.

* * *

Развитие производительных сил Германии после 1870 г. можно сравнить лишь с развитием в Северной Америке и Японии. В течение нескольких десятилетий Германия превратилась в страну, капиталистические силы которой шли во главе мира. На мусоре и на навозе феодализма выросли тысячи заводов, возвещавших, что новая германская нация объединилась под знаком капитализма, что новый способ производства вновь создал нацию в Средней Европе, после тысячелетней несчастливой истории.

Капитализм нашел в Германии, в противоположность Америке, прогнившие и разрушенные остатки феодализма и призраки средневековой истории Германии. Так, напр., Германия до XVIII века и даже позже не имела почти ни одной сносной шоссейной дороги. Партикуляризм, несколько сот лет господствовавший в Германии, не нуждался в путях сообщения, связующих отдельные страны;

наоборот, подобные пути могли бы стать даже опасными для некоторых князей с военно-политической точки зрения. Средневековые рыцари-разбойники умышленно портили дороги, чтобы удобнее грабить путешественников. Вестерман в своем экономическо-историческом атласе приводит следующий пример:

> «В конце средних веков на главной дороге, ведшей во Франкфурт, образовалась большая яма. Три воза, груженные вином, один за другим потерпели крушение, при чем один из возчиков утонул в ней. Для исправления дороги потребовалось 500 вязанок хвороста! Подобные условия сильно ограничивали торговлю: лишь дорогие товары могли окупать большие расходы на вооруженный конвой, на уплату сборов за право складывания товаров, пошлины и т. д. В XVIII веке лучшие дороги походили на наши проселочные. С развитием почтового дела дороги улучшились. — Затем Наполеон завоевал большую часть Европы. Хорошие, по возможности, прямые военные дороги были для него необходимостью. Еще в настоящее время в северной Германии существуют многочисленные хорошие шоссе, постройку которых можно поставить в заслугу Наполеону.»

Капитализм в течение нескольких десятилетий изменил всю систему путей сообщения. С 1880 года до 1913, длина железнодорожной сети возросла с 34 000 до 63 700 километров. Общая сумма водоизмещения судов, прибывших в германские гавани, достигла цифры 63 370 000 тонн.

> «Линия Гамбург — Америка открыла свои рейсы на судах в 700 регистровых тонн. В 1854 г. размер самых больших судов этой компании возрос до 2000 регистровых тонн, в 1880 г. — до 4000, а в 1900 г. — до 10 000 регистровых тонн. Незадолго до мировой войны он возрос до 50 000 и 60 000 регистровых тонн. Величина морских судов возрастала в последние десятилетия до 1914 года исполинскими шагами. В противоположность этому следует отметить, что в течение целого ряда столетий до 1850 г. размер судов оставался почти неизменным... Суда в 600 регистровых тонн одинаково считались крупными и во времена Ганзы, и около 1850 года... Средствам

сообщения соответствовали, конечно, и количества товаров. Общий вес годового морского импорта за 1848—1850 гг. равнялся в среднем 570 000 тонн, а в 1913 г.—16 500 000 тонн. О массовых грузах в современном смысле слова можно говорить лишь за последние 50 лет. Интересны некоторые данные о количествах товаров, которые в предшествовавшие столетия представлялись огромными. Англия, напр., поставщик шерсти для всей средневековой Европы, вывезла в течение 1372 года 3000 тонн шерсти. В качестве исключительных событий в прежние века упоминаются следующие сделки: в 1358 г. какой-то венецианец купил 45 000 штук полотна, в 1495 г. венецианское правительство закупило 80 000 фунтов меди... Количество товаров, доверяемых предприимчивым купцом сухопутному или водному транспорту, обыкновенно не превышало того, что может снести на спине один человек. Общее количество товаров, перевозившееся в средние века в течение одного года через Сен-Готард, может быть, согласно вычислению, отправлено на двух товарных поездах».[1]

Германия в 1913 г. получила товаров на 10 770 миллионов марок и вывезла фабрикатов на сумму в 10 100 миллионов марок, в том числе железа и железных изделий на 1 338 миллионов, медных товаров на 252 миллиона, машин на 745 миллионов, химических изделий на 880, стекла на 146 и электрических изделий на 238 миллионов. Часть, падающая на Германию, составляла 12,6% (часть, падающая на Англию—6,1%). Внешняя торговля Германии и специальная торговля с отдельными частями света в 1913 г. дают следующую картину. (См. табл. на стр. 35.)

Экспансионистская политика, которую Германия пыталась вести после падения Бисмарка во всех пяти частях света, и начало германской колониальной политики не были доказательством особой подлости, особой низости германской буржуазии, но они находились в соответствии с приводимыми здесь цифрами и были следствием финансового капитализма и вывоза капитала. Правда, политика Германии была более агрессивна, чем политика Англии или Франции.

---

[1] Всемирный атлас Вестермана.

Внешняя торговля в Германии в 1913 г. (в мил. марок).

ВВОЗ. *	Живые животн.	Пищев. продукты, напитки.	Сырье.	Полуфабрикаты.	Фабрикаты.	Золото и серебро.	Всего.
1. Европа	288,9	1 640,8	2 054,0	706,6	1 197,2	331,1	6 220,6
2. Африка	0,1	59,4	425,8	6,7	4,8	18,4	512,2
3. Азия	0,2	165,99	765,9	70,6	47,3	19,1	1 069,0
4. Америка	0,4	902,5	1 484,8	445,1	161,3	66,8	3 060,9
5. Австралия.	0,1	28,2	264,8	34,2	0,4	—	327,7
6. Остальные.	—	10,6	1,3	1,0	9,8	—	—
Итого	289,7	2 807,4	4 996,6	1 264,2	1 420,8	437,4	11 190,4

ВЫВОЗ.	Живые животн.	Пищев. продукты, напитки.	Сырье.	Полуфабрикаты.	Фабрикаты.	Золото, серебро.	Всего.
1. Европа	5,9	916,5	1 132,6	832,1	4 788,7	84,2	7 769,0
2. Африка	0,2	35,3	3,6	7,6	164,0	5,5	216,2
3. Азия	—	16,5	8,5	14,6	508,4	0,1	548,1
4. Америка.	1,3	98,6	146,1	71,2	1 229,0	13,2	1 559,4
5. Австралия.	—	3,5	2,7	4,8	92,6	0,7	104,3
6. Остальные	—	16	5,9	0,12	4,0	—	26,02
Итого	7,4	1 086,4	1 299,4	930,42	6 786,7	103,7	10 223,02

* «Статистический ежегодник Германской империи за 1915 г.».

Однако, это обстоятельство очень просто объясняется тем, что другие господствующие государства уже успели поделить весь мир между собою, а Англия положила основание своему могуществу еще в XVI и XVII веках. Германия объединилась в могущественное национальное государство, когда мир уже был разделен. Вследствие этого, она была заинтересована в новом переделе мира. У других держав такого интереса не было. Германия могла в мировой войне выиграть больше, чем все империалистические государства.

Упрек, который можно сделать германской мировой политике, является упреком именно с капиталистической точки зрения. Он заключается в том, что германские политики оказались слишком глупыми для достижения своих собственных целей, и, кроме того, в том, что руководители судеб Германии после эпохи Бисмарка не учли сил мировой политики и захотели достичь цели — завоевания, и проникновения всех частей света германским капиталом не постепенно, а сразу, одним взмахом. Германская дипломатия действовала в мире политики с максимальной дозой глупости. Долголетний атташе императорского посольства в Лондоне Экардштейн [1] пишет по этому поводу:

> «Политика эпохи Вильгельма II со времени отставки Бисмарка и до начала мировой войны заслуживает названия самой смешной и самой опасной политики, когда-либо имевшей место в мировой истории. Она была гораздо больше, чем гнусной. Она была идиотской».

Следует отметить, что писавший это был политическим деятелем, который долгие годы занимал один из наиболее ответственных и важных постов, находившихся в распоряжении германской политики.

Действительно, внешняя политика империи отличалась отрицательной гениальностью. Германия сумела восстановить против себя все мировые державы. Она сумела уничтожить неразрешенные противоречия между Англией и Россией, Северной Америкой и Англией, Францией и Ан-

[1] Экардштейн: «Воспоминания».

глией, Японией и Северной Америкой и образовать против себя мировую коалицию.

Таковы успехи тридцатилетней работы Вильгельмштрассе. [1]

* * *

К этому всему присоединяется еще одно обстоятельство. На престоле Германии сидел безумный кайзер, Нерон карманного формата. Он, правда, не мог поджечь Рим, но он сводил с ума немецкого бюргера. Он превратился в идола своей страны, и все подданные старались переделать себя по его образцу. [2]

Влияние Вильгельма II на германскую внешнюю политику является примером влияния личности на историю. (Как известно, исторический материализм не отрицает влияния личности; он объясняет лишь, при каких условиях это влияние возможно, и исследует общественные силы, делающие возможным подобное влияние на ход вещей). Однако влияние могут оказывать не только гении, но и глупцы.

Немецкий бюргер ничего не понимал в политике; он не имел за собой ни истории, ни традиций, ни революционного прошлого, как французский или английский буржуа. Чем менее, однако, с ним считались во внутренней политике, тем более он распространялся за кружкой пива о пяти частях света, о «будущем, лежащем на воде», о германском духе и т. д. Если к тому же он был членом обществ имени адмирала Тирпица и по воскресным дням, с синей яхтклубкой на голове, имел право мочиться в Ваннзее, [3] — он считал себя политическим гением. Вильгельм II являлся типичным представителем немецкого бюргера. Он, действительно, был воплощением немецкой национальности, плотью от плоти и кровью от крови немецкого филистера. Его вкус — берлинский собор, колонна Победы, памятник Битвы Народов под Лейпцигом и статуя Вильгельма I на коне, — не отличался от вкусов немецкого бюргера. Его остроумие, по рассказам графа Роберта Изед-

---

[1] Улица, где помещается германское министерство иностранных дел. *Прим. перев.*

[2] Генрих Манн: «Подданный».

[3] Тирпиц — основатель «Общества друзей флота». Ваннзее — озеро под Берлином. *Прим. перев.*

лиц-Трютшлера, [1] заключалось в том, что он под веселую руку до крови колотил своих знакомых; таково же остроумие и немецкого бюргера. Его мировоззрение, его личное отношение к богу и вся его мудрость совпадали с мудростью немецкого бюргера. То же следует сказать и о его половой жизни, колебавшейся между женой, которой делалось дурно при виде внебрачной матери, и мальчиками-куколками в прусской офицерской форме. Немецкие учителя превратились в кровожадных зверей. Гуннские речи императора были специально приспособлены для воодушевления воспитателей молодежи. Учитель превращался в пророка шовинизма. Националистическая литература получила в Германии колоссальное распространение. Она содержала credo филистера, искавшего далекие горизонты на берегах Индии и на Золотом Берегу Африки. Завоевание мира должно было освободить нацию от пошлости будней. Империализм стал популярен. Он был не только делом банкира, или политика, или дипломата, — он был любимым детищем всякого истинно-немецкого человека. Вот что́ мы читаем в брошюре: «Пангерманиса» о Германии.

> «Нужно лишь добиться того, чтобы голландцы, бельгийцы, лютцельбуржцы и швейцарцы научились рассматривать свои страны, как часть Германии, нашего общего отечества, а себя самих — как немцев; добиться того, чтобы они прониклись истинно-германским национальным духом. Все остальное приложится затем само собою».

Человек, писавший эти слова и под лютцельбуржцами подразумевавший люксембуржцев, был еще скромен. Другие требовали на языке древних рун следующих границ: от Скагена (северного мыса Ютландии) до берегов Адриатического моря! От Боонена (Булонь) до Нарвы! От Визанса (Безансон) до Черного моря!

В брошюре Рейтера «Пангерманистская Германия» мы читаем:

> «... Ибо мы должны продвинуться с нашими колониями непосредственно к берегам Средиземного моря и Атлантического океана, чтобы через Пиренеи полу-

---

[1] Зедлиц-Трютшер: «10 лет при дворе германского императора».

чить доступ на Пиренейский полуостров и отсюда установить связь с Южной Америкой, которой надлежит сделаться частью новой империи и новой экономически подчиненной территории».

Впрочем, эти господа крайне любезно делили человечество с точки зрения германцев на три категории: [1]

1. Чистокровные германцы. Лишь они могут быть гражданами нового государства, которым разрешается многоженство.

2. Полугерманцы, происшедшие от смешения германцев с другими расами. Им запрещается вступление в брак с германцами. Они будут и останутся неполноправными гражданами.

3. Не-германцы (круглоголовые). Они займут место илотов или рабов античного мира. На них будут возложены самые вредные работы, чтобы постепенно, всеми средствами уничтожить их.

В апреле 1914 года в собрании штутгартского комитета Всегерманского Союза адмирал Брейзинг приглашал германское правительство сделать попытку нападения на Европу.

Некий господин Танненберг потребовал в появившейся в 1911 г. книге:

«Война должна оставить побежденным лишь глаза, чтобы оплакивать их горькую судьбу, — и больше ничего».

А Бернгарди писал: «Наш народ должен понять, что сохранение мира никогда не должно быть целью политики».

* * *

Первые попытки колониальной политики империи окончились грандиозной неудачей. И эта неудача была очевидна не только с внешней стороны или в финансовом отношении; нет, сеть лжи, сплетенная колониальными политиками, была раскрыта и внутри государства. Люди, утверждавшие, что Германия должна иметь заморские колонии, так как в ней избыток населения, говорили неправду.

---

[1] Эти выдержка взята из книги «Трагедия Германии». Отбрасывая в сторону совершенно неправильное отношение к империализму, эту книгу можно считать блестящим и исчерпывающим трудом.

«Германская эмиграция с 1831 до 1840 г. выразилась в 177 000, с 1841 до 1850 — в 485 000, с 1851 до 1860 — в 1 130 000, с 1861 до 1870 — в 980 000, с 1871 до 1880 — в 595 000 человек. С этого времени население сильно увеличилось. В 1871 г. оно составляло лишь 41 миллион, в 1880 г. — 45 миллионов, в 1890 г. — 49 миллионов, в 1900 г. — 56 миллионов, а в 1910 г. — 64 миллиона. Тем не менее, в течение ближайших десятилетий количество эмигрантов падает: с 1891 до 1900 г. число эмигрантов равнялось лишь 529 869, а за последние десятилетия — лишь 296 441. Таким образом, германская колониальная политика начинается как раз в то время, когда, несмотря на сильный рост населения, находящего заработок в сильно растущей промышленности, число эмигрантов уменьшается».[1]

Англия, несмотря на сильную германскую конкуренцию, не была непосредственно заинтересована в войне с Германией. Британия хотела еще подождать. Ведь Англия и Германия были сильнейшими державами мира. Англия, по крайней мере на некоторое время, стремилась к разделению мира на сферы влияния между Германией и Британией. Ценою были бы, по всей вероятности, португальские колонии. Однако, всякая возможность англо-германского соглашения разбилась о политику германской империи в вопросе о флоте.

Англия, до поражения России в японской войне, находилась в Азии в постоянном конфликте с царской империей. Но в это время Англия уже не могла жить изолированной, как в эпоху расцвета свободной торговли. В первую голову она должна была защитить себя со стороны Германии. Этого можно было достичь двумя путями: или защитить себя от Германии, вступив с нею в соглашение, или же поднять против Германии весь мир. Первый путь разбился о морскую политику Германии. Лучшим доказательством стремления Англии к соглашению с Германией был договор о Занзибаре, предоставивший империи в 1890 г. Гельголанд. В 1895 г. английский министр ино-

[1] Карл Радек: «Германский рабочий класс и империализм».

странных дел предложил Вильгельму II раздел Турции. Однако, Вильгельм захотел получить всю Турцию. Вот что этот страдающий манией величия кайзер заявил в Дамаске:

> «Пусть рассеянные на земном шаре 300 миллионов магометан будут убеждены в том, что германский император во все времена будет их другом».[1]

Вильгельм II и его канцлер Бюлов в своей антианглийской политике отчасти зависели от травли англичан в самой стране. Ибо ежедневно германские националисты доказывали все снова и снова, что Британия — главный враг, и что спасение заключается в неограниченной постройке военных кораблей. Когда в германской «политике зигзага» Вильгельмштрассе снова захотела на полчаса совершенно изменить курс, это было уже невозможно. Бетман-Гольвег пишет по этому поводу в своих мемуарах:

> «Влиятельное положение на море было волшебным лозунгом, которому не могла противиться даже такая критика, как обыкновенно распространялась на мельчайшие детали бюджета. В стране, по мере удаления от морского берега, усиливался ореол романтики, окружавший все морское. Флот был любимым детищем Германии. В нем как бы воплощались наиболее жизненные, передовые силы нации... Руководство флотом в течение долгих лет находилось в руках человека (Тирпица), который претендовал на политический авторитет за пределами своего министерства и оказывал энергичное влияние на политическое мышление широких кругов. В случаях расхождения между морским ведомством и руководящими политическими сферами, общественное мнение без исключения становилось на сторону первого».[2]

До 1902 г., т.-е. до момента, когда Япония и Англия стали сближаться против России, существовала возможность союза с Британией. Обрисовывалась вероятность англо-германо-японского соглашения. Но Вильгельм II, ненавидевший желтую расу, противился этому. Сумасшед-

---

[1] Вильгельм Шредер: «Единоличное управление». Мюнхен.
[2] Бетман-Гольвег: «Размышления о мировой войне».

ший монарх делал сумасшедшей всю внешнюю политику Германии. Даже в своей ненависти к Англии он не знал границ. Когда он по собственной инициативе послал сочувственную телеграмму сражающимся бурам, в Лондоне поднялась буря негодования, и война была у порога. Тогда Вильгельм послал вдруг в Англию план войны против буров и хвастался впоследствии, что буры были побеждены по его проекту.

Начались новые поиски новых друзей в мире с помощью пушек. Где бы только ни возникал какой-нибудь конфликт в мировой политике, обязательно появлялось германское военное судно, а улицы на родине украшались флагами. В 1898 г. Северная Америка напала на Испанию с целью захватить Филиппинские острова. Имперский канцлер Бюлов, бывший куклой в руках крайних сторонников агрессивной политики, вспомнил о том, что Германия сама могла бы аннексировать Филиппины, и послал германскую эскадру в Маниллу. Конечно, эскадре, — во избежание войны, — пришлось ретироваться. Но чтó ж с того! Как никак, Германия все же лишний раз приняла участие в событиях!

Германский капитал особенно привлекали к себе три страны: Китай, Марокко и Турция.

* * *

Япония, побуждаемая своим экономическим ростом и промышленными успехами, боялась, что Северная Америка, Россия и Англия произведут раздел Китая. Поэтому она хотела поставить великие державы перед совершившимся фактом. В 1894 г. Япония объявила Китаю войну и победила его.[1] Россия, Франция и Германия заявили протест против занятия Японией Ляодунского полуострова. Европейская дипломатия сумела и в этом конфликте подсунуть на первое место германскую дипломатию. Во всем мире было известно, что представители Вильгельма II лю-

---

[1] Эта проигранная война положила для Китая, как Крымская война для России, начало индустриализации. Старые бюрократические силы настолько скомпрометировали себя, что в стране должны были зашевелиться новые силы в борьбе против задерживающего производство феодализма.

били проявить лихость. Генерал Макс Гофман рассказывает по этому поводу в своих мемуарах, что во время русско-японской войны японский военный министр Терaучи сказал ему следующее:

«— Мы отняли в 1894 году у китайцев Порт-Артур и стали владеть им. Ультиматум России, Германии и Франции заставил нас вернуть Порт-Артур китайцам. Совершенно понятно, что этот ультиматум предъявила Россия, ибо она сама желала приобрести Порт-Артур и незамерзающую гавань Дальний. Естественно, что Франция, в качестве союзницы, поддержала Россию. Но какое дело было вам до всей этой истории?»

«Я помню, как зимой 1895 г. я с женой стоял перед чайным домиком в Симоносеки, в котором подписывали пресловутый мирный договор. При этом я выразил опасение:

— «Как бы нам не пришлось в будущем расплачиваться за эту глупость!»

«К сожалению, мои опасения оправдались. Японский ультиматум, вызвавший среди нас, немцев, совершенно неосновательно такую бурю негодования, был дословным переводом ультиматума 1897 г., с той лишь разницей, что на месте слова «Порт-Артур» стояло слово «Тзин-тау». [1]

В 1897 г. Германия арендовала китайскую гавань Кяочау, т.-е. аннексировала ее. С финансовой точки зрения эта аннексия была очень невыгодным для империи делом. Сто пятьдесят миллионов марок ушло на постройку гавани, при чем германский ввоз выражался ежегодно лишь в сумме 3,3 миллиона, а вывоз — в 170 000 марок! Существовала, однако, надежда, что при предстоявшем разделе Китая Германия будет имет твердый военный опорный пункт — реальный залог. При грабительском походе на Китай в 1897 г., на ряду с Германией, Россия «арендовала» Порт-Артур, Англия — Вейхайвей, а Франция — бухту Кванг-Чу. Великие державы предприняли карательную экспедицию для защиты христианства, и Вильгельм II дал европейским армиям следующий лозунг: «Пощады не давать и пленных

---

[1] Макс Гофман: «Война упущенных возможностей».

не брать!» Германский император стремился к тому, чтобы верховное командование в войне против китайцев получил немецкий генерал. Он предложил царю назначить генерала Вальдерзе международным маршалом. Вся эта история с командованием кончилась смехотворным конфузом, о котором германский верноподданный ничего не узнал. Ведь он мог только вывешивать праздничные флаги!

* * *

Франция и Англия договорились между собой в 1904 г., как всегда договариваются великие империалистические державы, когда они становятся миролюбивыми и начинают говорить о пацифизме. Было решено, что Марокко предоставляется Франции, а за это Франция предоставляла Британии Египет. Но ведь Вильгельм II обещал 300 миллионам магометан свою защиту и, кроме того, Марокко должно было явиться блестящим помещением капитала. Германия заявила протест против этого договора. Дело дошло до конференции в Алжесирасе в 1906 г., которая предоставила Марокко французам и ясно показала дипломатическую изолированность Германии в мировой политике. Тогда Германия сделала попытку притти относительно раздела добычи к непосредственному соглашению с Францией. Попытка этане имела успеха. Англия ни под каким видом не хотела подпускать Германию близко к Гибралтару. Появилась угроза мировой войны, и Германии пришлось удовлетвориться меньшим. Мировая война была отложена по техническим военным соображениям. В 1911 г. состоялось соглашение между Германией и Францией. За признание французского господства в Марокко Германия получила северную часть французского Конго. И этот конфликт тоже кончился изоляцией Германии. Италия в течение всего конфликта стояла на стороне Франции. Вильгельм II, верный своей натуре, играл в это время главную роль во всей комедии. Он начал конфликт, появившись вдруг, — конечно, на броненосце, — в Танжере и произнеся здесь одну из своих знаменитых речей. Еще впоследствии, в своих мемуарах, он так прославляет свое посещение Африки:[1]

[1] Вильгельм II: «События и люди».

«Посещение состоялось не без благосклонного участия итальянских и южно-французских анархистов, мошенников и авантюристов. На маленькой площади стояла толпа испанцев с флагами и громкими криками. По показанию одного из сопровождающих чиновников охраны, это было сборище испанских анархистов».

Марокканский конфликт продолжался шесть лет. За все это время Германия являлась все снова и снова в роли нападающей стороны. Имперские канцлеры Бюлов и Бетман-Гольвег вели себя вначале, как истерички, а затем уступали. В результате, все дело кончилось приобретением некоторых болотистых областей Африки, обещавших кой-какие выгоды германской железной промышленности.

* * *

На линии Белград — Багдад скрещиваются географически пути всех частей света. Этот путь представляет собой историко-политическую земную ось многовековой борьбы и сменяющихся судеб в глухом, темном и кровавом соревновании народов. Через эту линию идет путь России к Средиземному морю, путь Европы в Азию, путь Азии к Индийскому океану. И, наконец, путь Англии в Египет и Индию! Эта ось — спинной мозг Британии, отсюда исходят и сюда ведут тонкие нервы, оживляющие Британскую империю. Здесь уже много столетий тому назад боролись персы с греками. Здесь выросла Византия, здесь возник новый Рим, здесь шла борьба между Востоком и Западом. Здесь город Константина, дивная столица столь несправедливо оклеветанной Византийской империи, в продолжение многих столетий оборонялся против варваров, пока его не завоевали, благодаря предательству папы и Венеции, воинственные последователи Магомета. Здесь истекло кровью целое человечество в борьбе с неисчерпаемым резервуаром живых сил Азии, вливавшихся на Балканский полуостров. И вот, на этой оси сосредоточивались теперь довоенные противоречия империалистических стремлений, сюда все они выводили, здесь возникало большинство из них. Новая германская империя провозгласила, и последний император из дома Гогенцоллернов объявил об этом в Дамаске, в начале своего правления, всему свету,

линия Берлин — Багдад должна утвердить в мировом что масштабе политическую мощь Германии. Союз Берлина с Веной уже приблизил Средиземное море к Гамбургу.

Союзником Германии был султан Абдул-Гамид, а впоследствии — политически развращенные младотурки. Германский капитал шел в Турцию, чтобы усилить ее в борьбе против России постройкой железных дорог. В 1902 году был заключен договор между Турцией и Германией относительно постройки Багдадской железной дороги. Германская дипломатия хотела нанести этим в первую голову удар Англии, т.-е. Египту. Пауль Рорбах тщательно разъясняет это в своей книге о Багдадской железной дороге; он пишет об этом ясно и понятно для всех и каждого: «Со стороны Европы на Англию можно напасть и тяжко поразить ее лишь в одном месте: в Египте». Затронув ось мира, Германия восстановила против себя империалистические правительства всего мира. Констелляция против Германской империи была дана в плане пяти крупных германских, так называемых, Д-банков, в плане военных и политических деятелей, в идее и цели линии, которая должна была вести из Берлина в Багдад.

* * *

Почва империализма, основание мировой войны, — даны в следующих лозунгах:

— «Америка и Тихий океан — американцам!» — «Желтый мир — Японии!», т.-е. аннексия Китая Японией. — «Освобождение славян!», т.-е. аннексия и руссификация половины Европы. «Северная Африка — третьей республике!» — «Обеспечение путей в Индию для Британии!», т.-е. аннексия Египта, Месопотамии и Персии». — «Место на солнце для Германии!», т.-е. аннексия Бельгии, балтийских провинций, португальских колоний, Малой Азии и Багдада.

Господа сего мира, организовавшие войну и исполнявшие веления финансовой политики последнего десятилетия, данные империализму, стараются доказать, что войну желала и подготовляла «другая сторона». На свете есть столько безработных ученых, что это может быть доказано без особого труда. Доказательство своей

невиновности в войне является неотъемлемой принадлежностью военного ремесла. Работа эта поручается особому отделению при каждом генеральном штабе, (подобно лаборатории для изготовления удушливых газов). И далее: тенденции, приведшие к войне, столь открыто были выражены в каждой стране, что всякий может доказать, что войны желал сосед. В действительности же, к войне стремились все империалистические державы,[1] и лишь о моменте ее возникновения мнения расходились. Ибо мир был столь прочно утвержден в «совести человечества», — употребим любимое выражение пацифистов, — что было достаточно одной пули 18-тилетнего юноши, чтобы убить его. Согласно общепринятому пониманию истории, убийца австрийского престолонаследника в Сараеве сделал первый выстрел в мировой войне. Девушка, находившаяся в толпе, сказала полицейскому на углу улицы, что ей показался подозрительным человек с револьвером в руке. Полицейский, однако, был австриец, знакомый с венской традицией, и добродушно ответил: — «Оставьте меня в покое: я как раз должен отдать честь».[2] И только глупцы или профессора истории, как известно, меньше всех других обладающие историческим чутьем, могут думать, что мировая война не вспыхнула бы, если бы полицейский не отдал чести. Австрия желала войны, ибо знала, что в Новом Дворце в Потсдаме у нее есть верный секундант.[1] Непосредственного повода к войне не было! Была лишь одна хроническая причина войны: великая историческая логика событий и развитие капитализма.

---

[1] Карл Каутский: «Как произошла мировая война».
[2] Леонгардт Адельт: «Убийство в Сараеве».

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Во время мировой войны.

Способ ведения войны Антантой и способ ведения войны центральными державами. — Союзники Германии и союзники Англии. — Брест-Литовск. — Легенда о «кинжале в спину». — Революционная борьба во время войны.

Некогда Фридрих II высказал следующую мысль: «Мирный гражданин совершенно не должен замечать, когда воюет нация». Это положение о войне давно уже изжито, и в 1914 году оно казалось столь же далеким, как легендарная борьба одноглазых циклопов. «Стратегия XIX века изобретена французскими и американскими крестьянами».[1] Мировая война превратилась в войну огромных масс, в войну миллионов. За время войны все средства, все запасы страны, все, что могут произвести земля и человек, было сосредоточено и объединено единой волей и выносливостью... Влияние империализма на способ ведения войны представляет особую, еще не написанную, историю, которая, однако, могла бы дать лучшую иллюстрацию всей системы.

Война является не только продолжением внешней политики другими средствами, но в такой же мере и продолжением внутренней политики, и даже не иными средствами, а старыми, лишь потенцированными. В этой войне в состязание вступили системы отдельных государств, не только их основы, их экономика, но еще в большей степени верхи общественной пирамиды, — диктаторы и методы их управления (во всех странах во время войны господствовала диктатура). В этой войне мы были свидетелями того, как погибло государство сильней-

[1] Франц Меринг: «Легенда о Лессинге».

шего милитаризма, как погибла военная мощь Германии. Разбито было именно то государство, в котором военщина, вплоть до последнего звенового, составляла особую касту. Объясняется это очень просто: именно в Германии более, чем где либо, была слаба связь между иерархической верхушкой и массами, которые, в конечном счете, и вели войну. В этой войне гражданское ведение войны одержало верх над чисто военным, и в этом-то и заключается величайший урок империалистического ведения войны вообще. Для прусской муштры, для прусского государства и для чисто механического послушания это было откровением, которое до сих пор еще не совсем понято. А между тем, это открытие — далеко не ново. Ведь уже Цезарь, в сущности, был штатским человеком. Если Людендорф в своих мемуарах кокетничает с мыслью, что римские консулы были одновременно и полководцами и политическими деятелями, он совершенно прав; но с тою лишь оговоркой, что римские консулы кое-что смыслили в политике. Продолжая нить исторических воспоминаний, мы желали бы напомнить, что Веллингтон командовал при Талаверне и Ватерлоо в штатском костюме джентльмена, что Кромвель, создавший впервые военную славу британской армии, был штатским человеком, и что маршалы Бонапарта некогда подвизались в качестве парикмахеров, официантов или просто парижских уличных мальчишек! Все, что являлось силой этих «штатских» людей в армии, было слабостью германского генерального штаба, ибо у него не было связи с массами.

Германская нация носила в себе не священный огонь, а «эрзацы» (суррогаты). Недостаток политического воспитания, политической традиции немецкого бюргера, дал теперь себя знать. Германская политика умолкла в жалком страхе перед собственными пушками. Ведение войны не имело опоры в политике. В этом Людендорф, по нашему мнению, даже прав. 40 лет германской политики научили бюргера лишь тому, что солдат может все, а «шпак» — рохля и растяпа. Германские имперские канцлеры, счастливо опекавшие империю во время войны, были жалкими креатурами в руках генерального штаба. Генеральный штаб был господином, а имперский канцлер — покорным слугой. Лишь в самом конце вспомнили, что существует

нечто в роде политики. Тогда принялись вести политику военными способами, свысока, тоном военной команды. Уже в феврале 1916 г. министр народного просвещения фон-Тротт сообщил следующее:

> «По моей инициативе и при участии моего министерства, написаны для немецкого народа книги для чтения в окопах. Чисто военные интересы постепенно отступили на второй план, а на первый — было выдвинуто политическое воспитание».[1]

Этим политическим воспитанием, этим внушением любви к отечеству, руководил опять тот же Людендорф. Тон его был таков:

> «Каждый должен сам действовать и творить. Наше собственное «я» должно отступить на задний план перед великой общей целью. Забастовки опасны для победы и стоят крови войск! Неясные мечтания о мире, равно как и дурное настроение, затягивают войну! Единство внутри страны делает сильным, все остальное — ослабляет! Больше сочувственного понимания существа и успеха наших союзников! Необходимо разъяснить, что наши враги, даже будучи вынуждены прекратить войну, как безнадежное для них дело, все же постараются вырвать у нас плоды нашей военной победы и, в особенности, в корне задушить возможности нашего экономического развития. Каждому солдату следует разъяснить, что в таком случае мы должны быть готовы возобновить борьбу в любую минуту, чтобы добиться нашей конечной цели войны, т.-е. обеспечения нашего будущего».[2]

Однако, политика германского генерального штаба окончилась совершенно так же, как и его метод ведения войны. Военная сторона дела была неудовлетворительна, ибо соответствовала абсолютно фантастическому пониманию политических вопросов, пониманию, которое не имело ничего общего с реальными тенденциями, действительностью и воз-

---

[1] Из В. Николаи: «Информация, печать и настроение народных масс во время мировой войны».

[2] «Тезисы для патриотического преподавания в войсках». Подписано: Людендорф.

можностями великих сил, двигающих человечество в мировой политике. Политический деятель должен видеть мир не только таким, каким он представляется ему сегодня, но должен всегда иметь перед глазами и завтрашний день, исследуя действительное положение вещей и общую картину явлений. Но война «завтрашнего дня», «вторая Пуническая война», игравшая во время мировой войны большую роль в расчетах не только Вильгельма II, но и генерального штаба, рассматривалась исключительно с военной, а не с политической точки зрения.

> «Провидение посылает нам в его лице (Людендорфа) идеальный тип военного, я сказал бы — тип прусского военного, т.-е. самого совершенного в мире, «настоящего» военного, как образно выразился сам Людендорф.
>
> «Провидение, послав во время великой войны Людендорфа, как бы доказало, что «настоящий» военный более чем неспособен понять и вести народную войну... Он (Людендорф) был сметен, как соломинка, и войной он руководил только «для видимости»... Каждую секунду Людендорф, несмотря на все свои знания и всю свою энергию, оказывался безоружным перед лицом неизвестного, встававшего перед ним. 20 лет подготовки в военном искусстве, тайны которого он постиг в совершенстве, и даже его способности «настоящего» военного способствовали лишь тому, чтобы задача сделалась для него неразрешимой». [1]

Различие между германским и французским способом ведения войны лучше всего можно понять, сравнив отношение французского и германского генерального штаба к соответствующим правительствам. В отличие от Германии, где каждый имперский канцлер был рекрутом, во Франции войну вели политические деятели. Жан де-Пьерфе рассказывает по этому поводу весьма интересные вещи в своей книге о генеральном штабе. [2] Он рассказывает, как министерство вмешивалось во время боев под Верденом, как Бриан во время боя просто,

---

[1] Жан де-Пьерфе: «Плутарх солгал».
[2] Жан де-Пьерфе: «Генеральный штаб», том II.

по телефону, передавал из Парижа приказание прислать ему акты этой бойни, как все генералы дрожали перед следственной комиссией парламента, и как все стушевались перед Клемансо. Во время переговоров о перемирии Клемансо хотел впречь Людендорфа и Гинденбурга в свою триумфальную колесницу. Генеральный штаб французской армии был из чувства товарищества против этого. Однако, он не посмел прямо сказать об этом Клемансо, а спрятался за спину англичан, которые и добились у Клемансо соответствующего решения. Когда затем вспыхнула революция, один из генералов французского генерального штаба сказал: «Как хорошо, что мы добились, чтобы германский генеральный штаб не был выдан, ибо кто же другой мог бы навести теперь в Германии порядок»!?... Это называется солидарностью даже через окопы!!!

* * *

В этой войне победить, конечно, должен был тот, кто обладал наибольшей экономической силой. Германское военное командованис получило наследство германской довоенной политики, т.-е., Австрию, Турцию и Болгарию. С военной точки зрения, эти страны были лишь балластом, ибо Австрия, равно как и Турция, находилась в состоянии разложения. Австрия была разгромлена, потому что этого желало ее население, и карательные отряды дунайской монархии ничего не могли против этого поделать. Упадок и поражение Австрии на полях сражений изображены уже в словах графа Гельмута фон-Мольтке, относящихся к битве при Сольферино:

«В противоположность французскому единству, в таком государстве как Австрия, состоящем из многих национальностей, весьма трудно объединить всех вокруг общей идеи.

«Господство Австрии в Италии, из-за которого шла война, прямо противоречило интересам одних, оставляло совершенно равнодушными других, а третьи полагали, что победа двуединой монархии нисколько не будет содействовать их специфически-националь-

ным интересам. Неоднородное настроение отдельных областей не могло не оказать влияния и на ту часть населения, которая стояла под ружьем.»[1]

Это должны были бы уже и раньше знать представители Германской империи, но они этого не знали и полагали, что могут чего-либо достичь лишь с помощью виселицы. Турция, в которой началось поражение и военная катастрофа, была обетованной страной для германских военных и политических деятелей. Лиман фон-Сандерс, долголетний представитель германского генерального штаба в Константинополе, пишет об этом следующее:

«Требования, предъявлявшиеся со стороны Германии к Турции, как союзнику во время войны, в области экономической большей частью не оправдались.

«В военном отношении германские ожидания от турок активности были слишком преувеличены и потому не выполнимы!

«Турции ставилась задача не только защищать проливы, не только оборонять свои собственные границы на огромных расстояниях, нет, она должна была завоевать Египет, добиться независимости Персии, подготовить в Закавказье образование самостоятельных государств, затем, по возможности, угрожать Индии через Афганистан и, наконец, еще оказывать активную помощь на европейских театрах войны!

«На Турцию при ее тогдашних военных руководителях падает полная ответственность за то, что она не сумела согласовать свои цели со своими материальными средствами.

«На Германию падает упрек в отсутствии у нее ясного и холодного делового расчета, в непонимании того, что можно было ждать от Турции с ее боевыми средствами.

«Похоже на то, что острая способность критического суждения Германии была затуманена мыслями о сказках из «Тысячи и одной ночи» или о миражах аравийской пустыни».[2]

---

[1] Граф Гельмут фон-Мольтке: «Итальянский поход 1859 года».
[2] Лиман фон-Сандерс: «Пять лет в Турции».

Наоборот, державы Антанты располагали огромными запасами.

В предшествующих главах мы уже показали мощь Англии. Эта государственная мощь Англии сумела бросить в Европу своих рабов из отдаленнейших колоний и мастерски объединить все пять частей света в борьбе против Германии. Асквит, в своей книге о происхождении войны, дает следующие цифры.[1]

«Общее количество присланных из-за моря войск.

В конце:	Канада.	Австралия.	Новая Зеландия.	Южная. Африка	Нью-Фаундленд.
1916 г. .	270 000	250 000	56 000	11 000	28 000
1917 г. .	340 000	300 000	89 000	66 000	4 000
1918 г. .	420 000	324 000	100 000	74 000	5 500

Процентное отношение к общему количества белого населения, призванного во время войны.

Соединенное королевство и Ирландия	22,11
	(Ирландия 6,14).
Канада	13,18
Австралия	13,43
Новая Зеландия	19,35
Южная Африка	11,12
Для Индии цифр нет.	

В той же книге Асквит говорит:

«В одной из моих речей в палате общин, в мае 1916 г., я указал, что военное содействие Соединенного королевства, доминионов и Индии, полученное путем добровольного рекрутирования, исчисляется не менее чем в 500 000 человек».

Перейдем к Америке. Мы все знаем, как Германия добровольно изолировала себя, даже во время мировой войны, как империя в тупоумном ослеплении сделала все, чтобы облегчить Вильсону вступление в войну. Германский специалист по морским делам, адмирал фон-Капелле, говорил:

---

[1] Асквит: «Происхождение войны».

«Военное значение вмешательства Америки в войну я считаю равным нулю, нулю, нулю! Если американцы действительно попытаются перебросить более крупные силы во Францию, то для наших подводных лодок нельзя найти лучшей мишени».

Ради полноты, процитируем несколько примеров из книги «Трагедия Германии», которые можно умножить до бесконечности и которые иллюстрируют мнение «политиков» о вступлении Америки в войну:

«Следует сдерживать перья и языки и всегда с благодарностью признавать, насколько лучше дела обстоять у нас... чем на британском острове, идущем на встречу настоящему голоду».

(Официозное сообщение, май 1917 г.).

«Конечный результат будет: полное крушение Англии. Его нельзя предсказать с точностью, в месяцах и днях, но оно совершится, и гораздо скорее, чем думают у нас».

(Капитан Блом, «Die Woche», 29 сентября 1917 г.).

«Таким образом, все наблюдения приводят к очевидному выводу, что подводное каперство достигнет намеченной цели».

(Граф Гертлинг, 29 ноября 1917 г.).

«Великая армия по ту сторону океана не может ни плавать, ни летать. Она не придет».

(Министр финансов Гергт, 16 января, 1918 г.).

«Со спокойной совестью вы можете сообщить стране, что я ни секунды не сомневаюсь, что заставлю с помощью подводной войны Англию сесть с нами за стол для переговоров».

(Адмирал Шеер, 11 сентября, 1918 г.).

«Военная помощь Америки есть и будет мираж».

(Тирпиц, «Кильские Известия», январь 1918 г.).

«Ныне уже известно, что черная туча (Америка)— не более, как пугало, безвредность которого начинают понимать даже политически неискушенные люди».

(«Военные Известия», № 190, 16 февраля 1918 г.).

«Таким образом, что касается западного фронта и подводной войны, мы даже извлекаем некоторую пользу из того обстоятельства, что значительная часть американской армии находится во Франции».

(Вице-адмирал Кирхгоф, «Кильские Известия», 26 июня 1918 г.).

Американская армия располагала на европейском материке следующими силами:

Апрель 1917 г.	323 000
Ноябрь 1918 г.	3 021 152
Из них на фронте или на пути к фронту	2 008 931
В случае продолжения войны, обеспечено к июлю 1919 г.	5 000 000
Количество людей, подлежащих призыву на основании закона о воинской повинности	23 456 021

Силы авиации выражаются в следующих цифрах:

	Офицеры.	Нижние чины.	Аппараты.	Запасные двигатели.
Апрель 1917 г.	65	1 120	200	—
Ноябрь 1918 г.	6 600	150 000	9 987	25 584

Изготовление боевых припасов:

Изготовлено ружейных патронов с апреля 1917 года до ноября 1918 г. свыше трех миллиардов, — в среднем ежедневно	27 000 000.
Ружей за то же время	2 691 681.

Военный бюджет выражался в следующих цифрах:

1916—1917 гг.	$989^{1}/_{2}$ миллионов долларов
1918—1919 гг.	36 миллиардов »

Военный флот состоял из следующих сил:

судов в апреле 1917 г.	304
судов в ноябре 1918 г.	1 720

Рабочих, занятых на верфях:

в апреле 1917 г. 40 000
в ноябре 1918 г. 386 000

* * *

Брест-Литовский мир, сделавший поражение Германии неизбежным, доказал, что планы пангерманцев, являлись не только бредом кучки безумцев но и что пангерманцы уже давно были истинными вдохновителями политики. Еще до войны, в 1893 г., некий Курт фон-Штранц требовал «возвращения» Прибалтийского края. В 1895 году один из пангерманцев, в книге «Торжествующая Германия», потребовал Польшу, Литву, Прибалтийских провинций, Волыни, Подолии и Южной России. Граница Германии должна была итти вдоль Нарвы и простираться до Дона. Все это не оставалось фантазией, а превращалось в реальные цели политики. Германский император телеграфировал 4 марта 1918 г. по поводу брестского мира президенту рейхстага Дове следующее:

> «Полная победа на востоке преисполнила меня глубокой благодарности. Она позволяет нам снова пережить один из великих моментов, когда мы можем благоговейно преклониться перед божественным провидением в истории. Какой поворот по милости божией! Геройские подвиги наших войск, успехи наших великих полководцев, достойные удивления дела нашей родины, — в конечном счете коренятся в силах, в категорическом императиве, привитых нашему народу в суровой школе жизни».

Итак, ему представлялось, что он на многие века установил границы на востоке и окончательно уничтожил русскую революцию; теперь стало ясным, чего добивалось правительство империи: силами ликвидированного восточного фронта победить Францию на западе, а затем военной мощью подавить русскую революцию. Тем не менее, русской революции суждено было стать могилой цезаризма Гогенцоллернов. Германские империалисты открыли «жизненные интересы» на Кавказе, в Финляндии,

на Волге и на Украине, распылили ради этого свои грабительские колонны и ослабили западный фронт. Теперь испытываешь чувство несказанного облегчения и удовлетворения, когда читаешь мемуары всех этих господ, побывавших в Брест-Литовске, мемуары генерала Гофмана, австро-венгерского премьера Чернина и других великих мира сего, — когда видишь, как эти реальные политики свысока смотрели на своего русского партнера и предсказывали гибель его в течение одной или двух недель; а между тем, им пришлось убедиться, что побежденными и уничтоженными в мировой войне являются они сами, мнившие себя спасенными от всех опасностей, и что могильщиками их являются те, «другие»! Мир, заключенный в Брест-Литовске, позволил империалистам из лагеря Антанты побудить свои народы к продолжению бойни, ибо теперь для всех стали ясны аппетиты гогенцоллернской политики, и все поняли, что программы пангерманистов грозят превратиться в действительность. Брест-Литовский мир раскрыл исторический смысл мировой войны. Он положил начало крушению трех государств: государства Гогенцоллернов, государства Романовых и государства Габсбургов. Эти многовековые организации политической власти, построенные не только на железе, но и укрепленные в сознании миллионов людей, — исчезли, сметены с лица земли.

Все это было осуществлено передышкой русской революции, рожденной на баррикадах Москвы и Петербурга: бунтом против империализма!

* * *

Во время войны подвергались милитаризации каждое слово и каждая мысль, предназначенные для оказания влияния на людей. В этом процессе милитаризации социал-демократия всех стран сыграла чрезвычайно важную роль. Она превратилась в отделение различных генеральных штабов. Во Франции ее представители сделались министрами военного снабжения. В Германии они не имели места в правительстве, по крайней мере в начале войны, но все же оказывали многочисленные и важные услуги правительству.

Упрек, который бросают социал-демократии, будто бы она убила фронт ударом кинжала в спину, является клеветой, отговоркой для объяснения поражения. Социал-демократия честно прилагала все усилия, как бы не нарушить приятных аппетитов германского империализма. Она разрешила себе скромную критику лишь к концу мировой войны. В начале войны она везде «плечо к плечу» принимала участие в борьбе. Она восторженно участвовала во всех планах аннексионистов. Вот что писал в 1914 году орган союза транспортных рабочих:

«Сегодня германское знамя развевается на башнях Антверпена,— надеемся, что навсегда»!

Социал-демократический депутат от Дессау, Пейс, писал о Бельгии:

«Бельгийский вопрос касается не только одних бельгийцев. Дело идет не только о бельгийской свободе. Свобода бельгийского народа может остаться совершенно нетронутой. Здесь следует принять в соображение особое географическое положение Бельгии, бельгийский берег Северного моря и его стратегическое значение. Кто может сделать германской империи упрек в том, что она на будущее время желает освободиться от двойного давления с запада и востока?.. В этой войне Бельгия была только жертвой всех трех держав. С точки зрения экономической, я предложил бы тогда следующее решение: присоединение Бельгии к нашему экономическому хинтерланду, присоединение ее к Германии»!

Главный редактор хемницского «Голоса Народа», Эрнст Гейльман, пишет в номере от 2 июля 1915 г.:

«Оборонительная война не превращается в завоевательную только лишь потому, что победившая сторона что-нибудь приобретает. Не политика, а бессмысленное самоубийство — позволить бандитам схватить нас за горло, не рискуя потерять что-либо и со своей стороны. Наоборот, мы уже теперь должны сказать нашим врагам, что игра их проиграна и что

каждый день промедления обойдется им очень дорого. Мы можем ускорить восстановление мира лишь этой твердой угрозой».

Доктор Ландсберг, поддерживая будущую работу Людендорфа в Брест-Литовске, сказал такую фразу:

«Кто из немцев заявит протест, если для лучшей обороны Германии на востоке потребуется аннексия линии Наровы?».

Социал-демократический депутат рейхстага от Мангейма, Оскар Гек, заявил:

«В вопросе об аннексиях правительство стоит на приемлемой для нас точке зрения. Оно отвергло намерение аннексировать целые страны. Но все же следует принять меры, чтобы заткнуть дыру в Вогезах и помешать тому, чтобы дальнобойные орудия русских крепостей могли бить по Торну».

Депутат Мерфельд высказал 6 февраля 1916 г. следующее:

«Я предостерегаю от лозунгов, лишенных содержания. Формула «мир без аннексий», например, совершенно не соответствует духу марксизма.[1] Польша не должна больше отойти к России, а Македония — к Сербии. С точки зрения социалистической и этической, можно провозгласить лишь следующий лозунг: «Долой насилие над иноземцами!». С другой стороны, при известных условиях социал-демократия должна требовать завоеваний».

А Филипп Шейдеман от имени большинства социал-демократической фракции рейхстага обмолвился такой фразой:

«Разве можно считать насилием, если по мирному договору удастся обеспечить фламандцам возможность развивать свою культуру на основе их родного языка?».

---

[1] Социал-демократы германского императора становились даже марксистами, когда ему это было нужно.

Франкфуртский «Голос Народа» пишет 22 июня 1915 года:

> Социал-демократия должна выставить положительные требования, и в эти требования можно и следует включить изменения географической карты. Нельзя допустить, чтобы все осталось постарому.[1]

Само собою разумеется, что социал-демократия была равным образом и за подводную войну. В своей речи в рейхстаге от 6 апреля 1916 г. Шейдеман заявил:[2]

> «Еще только несколько слов о подводной войне. Мы по серьезным мотивам голосовали за резолюцию, касающуюся подводных лодок. Мы не отвечаем за то, что тот или иной постарается прочесть между ее строк... Что же сказано в резолюции? Там сказано: подводная лодка оказалась действительным оружием против английского способа ведения войны, рассчитанного на взятие Германии измором... Мы должны защищаться и подводными лодками, чтобы уберечь наших жен и детей от голодной смерти».

В отзыве полковника Швертфегера, представленном Комиссии рейхстага по расследованию причин поражения, мы читаем:

> «Науман пишет о том, что генерал Людендорф — самый ненавистный человек в дунайской монархии. Император Вильгельм также потерял там всякую популярность. Вся Вена надеется на сепаратный мир. Когда доктор Науман приехал из Вены в Берлин, вожди социал-демократии заявили ему, что германская социал-демократия, так же, как и ее австрийские товарищи, совершенно бессильна остановить грядущие события (т.-е. революцию), хотя она по многим причинам отчаянно борется против них и боится их, — если в течение ближайшего месяца прусская избирательная реформа не подвинется вперед, и если правительство не проявит честного стремления к миру и твердости против всех аннексионистских планов. (Перед самой ката-

---

[1] С. Грумбах: «Аннексионитская Германия».

[2] «Германская социал-демократия о войне и мире», изд. ЦК с.-д. партии Германии. Берлин, 1916 г.

строфой социал-демократия приблизительно в одно время с правительством отказалась от аннексионистских планов. *Автор*).

Письмо фон-Радовица, помощника статс-секретаря императорской канцелярии, на имя графа Лимбург-Штирума, представителя имперского канцлера при верховном командовании в главной квартире, от 17 января 1918 г., показывает глубокое сознание того, что войну можно продолжать лишь в полном согласии с социал-демократией. Существовала опасность, что социал-демократические избиратели, особенно в профсоюзах, попадут в руки независимых, и что тогда, действительно, вспыхнут стачки. Правда, верховное командование неоднократно заявляло, что оно не предвидит подобной опасности, но я полагаю, что оно в этом ошибается. Этой опасности, в самом деле, не существует, пока социал-демократия расходится с независимыми. Но она возникнет, как только социал-демократы объединятся с независимыми и приступят к агитации среди масс под девизом продолжения войны и под лозунгом: избирательное право, голод и холод!»[1]

В истории подготовки перемирия[2] цитируются разговоры между Людендорфом и Шейдеманом. Здесь мы читаем буквально следующее:

«Генерал Людендорф: Не удастся ли вашему превосходительству поднять настроение в массах?

Статс-секретарь Шейдеман: Это вопрос картофеля. Мяса у нас больше нет, а картофеля больше дать не можем, так как нам ежедневно не хватает 4 000 вагонов. . .

Генерал Людендорф: Воздействуйте на народные массы, ободрите их! Разве Эберт не может это сделать? Это должно удаться!»

---

[1] Полковник Швертфегер: «Причины крушения, происхождение, выполнение и финал наступления 1918 года».

[2] «Подготовка перемирия». Официальные документы.

Однако, сделать это не удалось, так как армия в результате существующей системы была разбита. Выполнение легенды, которую распространял германский генеральный штаб про срыв войны социал-демократией, лежало, в сущности, на обязанности каждой социалистической партии, ибо в эпоху империализма для революционера нет другого пути, как сражаться за поражение собственной «родины»! Действуя иначе, социал-демократы продолжали бойню.

Социал-демократия всех стран не приблизила наступление мира ни на одну секунду! Миллионы за миллионами продолжали сражаться в окопах до того дня, когда победоносные владыки морей рассчитали, что можно приступить к делу мира. Когда день этот наступил, из окопов вылезли миллионы людей, подобных призракам, грязных, до неузнаваемости измененных мучениями этих тяжких годов. Не люди, а одна лишь воля к покою и стремление уйти на родину, назад на фабрику, к станку, назад, чтобы накопить новые силы, новые товары для измененных условий мирового рынка... И все это— для грядущей мировой войны! Тридцать миллионов людей, вылезших из окопов, были вооружены. Имей они единую волю, они могли бы сделаться господами вселенной. Но воли этой не было...

В Англии и Франции они удовлетворились тем, что одного из них торжественно похоронили, как «неизвестного» солдата. (Этому «неизвестному» солдату банка мясных консервов при жизни была бы несомненно приятнее.) Они дефилировали через прекрасные триумфальные ворота, музыка играла победные гимны, и толпа кричала ура! Триумфальная арка в Париже вновь ожила в сиянии победы, ибо железо соединилось с углем для новых трестов горнозаводчиков.

В Германии Шейдеман провозгласил победу «народа», т.-е. «республику»! Эберт принял временную власть, а тридцать миллонов рабов, натравленных, по выражению Барбюсса, друг против друга в этой «грязевой» войне преступлением и безумием», так и остались рабами. Вот каков был «мир»! Он не только спас соответствующие отечества, но более того: он подготовил новую войну, грязевую войну, новую газовую войну, ураганный огонь грядущей мировой войны, — он спас империализм!

К 1916 — 1917 г. становилось все вероятнее, что не будет ни победителя ни побежденного, что война кончится игрой в ничью. Все вероятнее становился и сепаратный мир между царской Россией и императорской Германией. Когда Вильсон осчастливил мир своими тезисами, социал-демократы заявили о себе и сделались вильсонианцами. Ленин писал по этому поводу в январе 1917 года:

«Как хорошо вообще устроено все в этом лучшем из миров! Запутались мы, финансовые короли и коронованные разбойники, в политике империалистического грабежа, пришлось воевать — ну, что ж? Мы наживемся на войне не хуже, чем на мире, даже гораздо лучше!.. Приходит пора заключить империалистический мир? — ну, что ж? Военные долги, ведь это уже обязательства, гарантирующие наше священное право на взимание стократной дани с народов. А простаков для прикрашивания этого империалистического мира, для надувания народов сладенькими речами, у нас сколько угодно: возьмите хоть Турати, Каутского и прочих «вождей» всемирного социализма!»[1]

Ленин, Троцкий, германский Союз Спартака с Розою Люксембург и бременская группа одни лишь поняли истинный характер войны. Они не только постигли историческое значение и законы капитализма, но и сумели сделать необходимые выводы и дать практический политический лозунг. В это время Либкнехт выступил в рейхстаге, а Союз Спартака распространял в стране воззвания, в которых говорилось:

...«Господин фон Бетман-Гольвег обвиняет Англию, что она создала голод в Германии. Сторонники войны до победного конца и прихвостни правительства повторяют это вслед за ним. Однако, германское правительство должно было бы знать, что дело кончится именно так. Война против России, Франции и Англии должна была привести к блокаде Германии. Среди благородных братцев всегда было принято причинять на войне друг другу хозяйственный ущерб и отрезать подвоз продовольствия. Война — это бойня

[1] Ленин: «Поворот в мировой политике», «Против течения».

народов и преступление, а план голодной блокады — лишь последствие этого преступления... Германский милитаризм после всех своих блестящих побед попал в тупик. Если война еще продолжается, то это объясняется лишь исключительно терпением народных масс, допускающих подобную гнусность».[1]

В воззвании от 6 ноября 1915 г., озаглавленном: «Не старая волынка, а новый меч», говорилось следующее:

«Из-за чего идет борьба в эти дни? Ответа нельзя обойти молчанием, ибо он гласит: Из-за всего! Из-за того, быть или не быть пролетариату, как политическому фактору! Из-за обладания общественной властью!.. Властью решать вопрос о войне и мире, из-за судьбы самой пролетарской революции».

Роза Люксембург писала в одной из своих брошюр:

«Первым словом истинной оппозиции должно быть признание и сознание: не в парламенте может быть брошен жребий войны и мира, Интернационала и массового голода, а на фабриках, в мастерских, на улице».

О Вильсоне, в воззвании от 4 апреля 1917 г., под заглавием «От папы до Гаазе», говорилось:

«Новый дух» и «принцип права», которые теперь должны руководить жизнью народов, совершенно соответствуют старому духу и «христианским принципам» Меттерниха и Александра I.

...«Вокруг этой скульптурной группы: папа, Вильсон, Асквит, Пуанкаре, Вильгельм II, осененной знаменем с надписью: «Разоружение», «Мир», «Моральная сила», — ведут свой хоровод Шейдеманы, Гейне, Адлеры, Немецы, Трульстра, Брантинги, Гаазе и Каутские, благодарят, надеются и бьют в ладоши от радости по поводу успеха их идей».

Левое течение всех стран объединилось в Швейцарии (в Циммервальде), и кликнуло клич против войны. Здесь, в Циммервальде, пробил час рождения русской революции. Конечно, и в Циммервальде

[1] Цитаты взяты из «Писем Спартака».

собралось много элементов, чуждых друг к другу, но все же здесь образовался концентрационный пункт революции в интернациональном масштабе! Этот общий выход был найден в великой революции против империализма.

Победа большевизма в России представляет собой типичный пример марксизма. Диалектический метод исторического материализма превратился здесь в самую конкретную действительность. Теория, продуманная и доведенная до конца с неумолимой последовательностью, не осталась только теорией, а перешла в практику. «Серая» теория оказалась цветущей действительностью. Ленинская теория во время мировой войны была анализом империализма; и из всего комплекса исследований получились столь простые, казалось, выводы: гражданская война против войны, освобождение всех колониальных рабов, восстание всех мировых сил, охваченных на всем земном шаре империализмом, — против этого империализма!

Поэтому мы видим здесь победу человека, героический триумф мысли, не вопреки историческому материализму, а именно благодаря ему. Земля принадлежит войне и война — земле. Один человек становится против вооруженного земного шара, — один человек, безоружный, вооруженный лишь мощью своего ума. И этот человек все-таки победит весь мир, ибо его мозг сильнее всех пушек, взятых вместе. Этот человек опирается на логику диалектики и побеждает войну; он наносит воинствующему империализму первый смертельный удар.

Во время этого процесса этот человек — Ленин — считается сектантом, утопистом, строителем воздушных замков и т. п. Он, однако, знает, что при известных исторических условиях человеку можно и даже должно быть одиноким. Среди гибели социализма, среди крушения освободительных движений двух столетий, среди потока предательства—можно было стоять в одиночестве. Массы безмолвствовали. Но при этом он знал: завтра массы станут на сторону возмущения против войны и империализма.[1]

---

[1] Говоря о роли Ленина во время войны, автор сбивается на несколько обывательский индивидуализм и совершенно игнорирует роль партии, роль революционных течений в мировом рабочем движении. *Прим. ред.*

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Империализм и пацифизм.

Революция и пацифизм.—Революционный путь первого Интернационала.— Второй Интернационал и Россия.— Второй Интернационал и империализм.—Послевоенные теории Гильфердинга.

Революционное движение никогда не может быть пацифистским. Революция и пацифизм взаимно исключают друг друга. Ни одно новое движение, ни одна новая идея из тех, что преобразовали мир, никогда не были пацифистскими. Даже христианство, (конечно, не официальная, уже признанная и победоносная христианская церковь, а первичное христианство древнего Рима, христианство древности, христианство катакомб), не было пацифистским, а проповедывало меч и огонь против цезаризма. Каждый раз, когда в борьбе древности, в социальных конфликтах, поднимались рабы, они хватались за меч, и сила боролась с силой. Более поздние поколения не прославляли терпеливо переносившиеся, невыразимые страдания народов, уничтоженных римским миром. Потомство слагало гимны и легенды лишь в честь Спартака, лишь в честь народов, умевших сопротивляться,—в честь Иудеи, Дакии, Испании, Галлии и Британии. Память о терпеливо перенесенных страданиях исчезла, как дым. Борьба же всегда была огнем, проникавшим в последовательный ход исторического развития. Философы древнего мира и средневековья, жалкие последователи пацифизма нового времени, умеющие лишь утешать страждущих и проповедывать терпение, а не волю к жизни, т.-е. к борьбе,—все они были и останутся могильщиками класса и нации. Все средневековье заполнено борьбой из-за земли, основы тогдашнего производства. Буржуазия вступила в жизнь

смело и революционно. Она уничтожила в Голландии власть испанского короля, она обезглавила в Англии своего монарха, она родила армию санкюлотов, она разрушила старую Европу штыками революционного террора.

Марксизм, придавший впервые отчетливый смысл и указавший цель человеческой истории, унаследовал из прошлого буржуазии все, в социальном смысле революционное и антипацифистское. Сен-Жюст, Марат, Робеспьер Гарибальди сделались героями пролетариата, Маркс и Энгельс судили о пацифистах лишь с ядовитым. презрением и издевательством. Они провозглашали, что на долю рабочего класса выпала, в полном смысле слова, воинственная роль. Они никогда не провозглашали нейтралитета и никогда, при каком бы то ни было соотношении политических сил, не проповедывали пацифизма. Так, например, Маркс со всем пылом своей души был на стороне ирландцев в их борьбе против Англии. Само собою разумеется, что Маркс и Энгельс не были пацифистами в 1848 году. В эпоху национальных войн, которую они пережили, они стояли на стороне национальностей, боровшихся за свое объединение. В 1870 г. оба они поняли исторически прогрессивное значение германского объединения и гнусный характер похода Бисмарка и Тьера против Коммуны. Они постигли также дворянско-реакционный характер борьбы за подчинение Европы прусскому влиянию, борьбы которую вели Бисмарк и Мольтке, после провозглашения германского единства, против армий третьей буржуазной республики.

После 1870 г., и даже раньше, Маркс и Энгельс видели гегемонию царизма в Европе и были сторонниками войны с Россией. Совершенно ясно и понятно, что социалист не может принципиально возражать против всякой войны.

Пацифизму семидесятых годов свойственна идеология свободной торговли. Внешний пацифизм соединялся с внутренним. Часть буржуазных политических деятелей полагала, что ничем не стесняемая игра товарного обмена делает всякую войну коммерчески невыгодным делом, а отсюда они заключали, что и классовая борьба совершенно бесполезна.

* * *

Первый Интернационал закончился Парижской Коммуной. Жизнь «Интернациональной ассоциации рабочих» угасла, когда версальские войска перешли Сену, когда пали последние баррикады парижан, и когда последние коммунары погибли под пулями армии третьей республики в кровавую неделю в конце мая. Эта «ассоциация» носила воинствующий характер и выполнила историческую миссию. Второй Интернационал нарождался по мере того, как в каждой стране развивалось рабочее движение на основе классовой борьбы. Он завоевал себе право на существование снизу в каждой нации отдельно. История его есть одновременно история каждой отдельной социалистической фракции. В 1889 г. второй Интернационал мог созвать в Париже, где погиб первый Интернационал, свой первый конгресс.

Два вопроса внешней политики стояли перед вторым Интернационалом: царизм и империализм. В 1891—1892 г. возник франко-русский союз. Всемирный конгресс 1893 г. стоял уже перед угрозой мировой войны. В России того времени, в отличие от 1914 г., не было еще заметных признаков нарождающегося революционного движения. Интернационал, учитывая политическую обстановку, должен был выработать интернациональную, обязательную для каждой партии тактику. Он не мог, игнорируя весь несоциалистический мир, просто заявить в стиле категорического императива: «Мы против...» На вопросы мировой политики он должен был дать конкретные ответы. Буржуазия всех стран имела перед собой еще одно дело: уничтожение социалистического движения. Фридрих Энгельс писал тогда:

> «Война, во время которой русские и французы вторгнутся в Германию, будет для Германии войною не на жизнь, а на смерть. В этой борьбе она может обеспечить себе национальное существование лишь применением революционных мер... Мы еще не забыли великого примера, преподанного нам Францией в 1793 г., а столетний юбилей 1793 г. совсем уже близок... И мы должны показать, что германские пролетарии нашего времени не уступают санкюлотам, жившим сто лет тому назад; надо показать, что 1893 год не боится сравнения с 1793 годом».

В другом месте Энгельс писал:

«Несмотря на все юридические споры с царем по поводу Константинополя и пр., может наступить такой момент, когда европейские правительства принесут в жертву царизму Константинополь, Босфор, Дарданеллы и все остальное, чтобы он только защитил их от революции».

Защита отечества не была для второго Интернационала абсолютным принципом, а в лучшем случае она была лишь тактическим требованием в интересах революции. Это видно из речи Плеханова, весьма сочувственно встреченной на конгрессе в Париже. Плеханов говорил:

«Если бы германская армия перешла наши границы, она явилась бы в качестве освободительницы, подобно французским войскам Национального конвента, вторгшимся в Германию, чтобы победой над государями принести свободу народу.

«Говорят о том, что русская опасность не так уже велика. Но разве вы забыли, что русский царь вступил в союз с вашей (обращаясь к французам) буржуазией, что он — убийца Польши?... Чем чаще наши германские друзья нападают на царизм, тем более мы благодарны им. Браво, друзья! Разбейте его на голову, посадите его на скамью подсудимых, как можно чаще нападайте на него всеми средствами, которые находятся в вашем распоряжении».

Энгельс, Плеханов и Бебель стремились к революционной борьбе против царизма. Плеханов, к тому же, был «изменником отечества». Тогдашние пацифисты были, вероятно, этим сильно напуганы! А в начале войны германская социал-демократия использовала эти лозунги для своего кайзера, лозунги, которые только доказывали революционность тогдашнего Интернационала, потому что все секции придерживались одной и той же тактики.

Роза Люксембург, в одной из своих брошюр, дает этим освободителям народов достойный ответ:

«Еще 4 сентября в любекском партийном органе говорилось следующее:

«Спасением своей свободы Европа будет обязана силе германского оружия. Кто идет против нас, тот — враг демократии и свободы».

«Так говорила многоголосая германская партийная пресса. Германское правительство в начальном периоде войны приняло предложенную помощь: небрежным жестом прицепило оно лавры спасителя европейской культуры к своей боевой каске. Оно даже согласилось, хотя и с видимой неохотой и довольно тяжеловесной грацией, взять на себя роль освободителя народов. Верховные командования «фун ди байде гройсе армеес» — нужда не знает закона — научились даже еврейскому жаргону и определенно «цацкались» в Царстве Польском со вчерашними «шнорререрами» и «смутьянами»...

«Польше дали фантастическое обещание, за что, конечно, она должна была агитировать в массах за государственную измену, за мнимую попытку к которой был казнен в Камеруне Дуала Манга Белл,[1] казнен без суда и следствия, под шумок. И всем этим медвежьим прыжкам попавшего в беду германского империализма подражала партийная пресса германской социал-демократии. В то время, как социал-демократическая фракция в рейхстаге прикрывала труп вождя Дуалы стыдливым молчанием, социал-демократическая пресса оглашала воздух ликующими трелями в честь свободы, которую несут несчастным жертвам царизма приклады германских винтовок...

«Освободительная легенда германской социал-демократии о заветах Маркса в этой войне — не только скверная шутка: это — кощунство. Для Маркса русская революция означала поворот в мировой истории. Все его политические и исторические перспективы всегда были обусловлены оговоркой: если только в России в это время не разразится революция. Маркс верил в русскую революцию и ожидал ее даже в то

---

[1] Дуала Белл был расстрелян, за 24 часа до ухода германских колониальных войск из Камеруна, за смелое отстаивание интересов ограбленных негров. Это злодейство было одним из последних подвигов германского оружия в Африке.

время, когда имел перед глазами крепостную Россию. И революция пришла, — правда, не сразу, — и ее уже больше нельзя уничтожить, она стоит в порядке дня! Сейчас она снова поднимает голову, и вот тут-то на сцену вылезают германские социалдемократы со своими ружейными прикладами и объявляют русскую революцию аннулированной. Более кровавый исторический фарс, более грубое издевательство над русской революцией и заветами Маркса — едва ли можно себе представить. Эпизод этот является самым темным пятном в поведении социал-демократии за все время войны».

* * *

В отношении к царизму второй Интернационал придерживался единой политики; но во внешней политике второго Интернационала, в его отношении к проблеме империализма, обнаружилось полное непонимание исторической обстановки и полное банкротство.

Когда рассеялась иллюзия свободной торговли и выяснилось, что свободная торговля привела не к земному раю, а к монополистическому капитализму и вывозу капитала, когда грабительские колониальные войны сделались обычным явлением, — возник новый пацифизм, основанный на новых экономических гипотезах.

Любители политических иллюзий видели, что рост империализма привел к разделу всей земной поверхности; поэтому они и полагали, что в виду невозможности новых разделов, пробил час вечного мира и началась «новая эра» всемирной истории. Они приступили к созданию всевозможных проектов. Так, например, социал-демократ Гергард Гильдебрандт,[1] предложил крупнейшим «культурным нациям» Европы образовать трест для совместной эксплоатации колоний. Он пишет буквально следующее:

«...Мы заинтересованы лишь в том, чтобы возможно ярче подчеркнуть следующей неоспоримый факт. Такие государства, как Италия и Германия, находятся

[1] Гергарда Гильдебрандта до войны исключили из социал-демократии за его теории. Но во время войны эти теории сделались теориями социал-демократического центра.

в очень скверном положении по сравнению со своими потребностями и при сопоставлении с колоссальными владениями Англии и Франции. Поэтому такая колониальная держава, как Португалия, не имеет права противопоставлять себя, как представителя справедливых претензий, более развитым государствам только в силу своего случайного, исторически сложившегося владения обширными колониальными землями. Единственная возможность мало-мальски удовлетворительного разрешения всех недоразумений заключается в том, чтобы вызвать во Франции и Англии сочувственное понимание к подобной точке зрения.» [1]

Таким образом, с точки зрения Гильдебрандта социализм заключается в объединении великих империалистических держав в грабительском походе против колоний. Подобные же мысли развивали и многие другие видные пацифисты. Мировой рынок они предполагали разделить самым дружественным образом!

Другие идеологи «вечного мира» требовали новых таможенных союзов. Они предполагали усиление безопасности и расширение базы внутреннего рынка путем объединения нескольких государств в один таможенный союз. Карл Каутский писал по этому поводу:

«Ряд идеологов предложил мирное средство, — образование таможенного союза, — для достижения монополизации внешнего рынка. На этой основе возникли в Америке планы пан-американцев, имевшие в виду объединить все государства Северной и Южной Америки в один таможенный союз, в котором, конечно, Соединенные Штаты играли бы роль индустриального государства, а остальные — удовлетворились бы скромной ролью аграрных союзников. Подобные же намерения лежали в основе планов создания «более великой Британии», т.-е. таможенного союза, который охватывал бы Англию и все ее колонии. Наконец, среднеевропейский таможенный союз должен был создать большой внешний рынок для Германии, с которого она могла бы вытеснить английскую и американскую конкуренцию».[2]

---

[1] Гергард Гильдебрандт: «Социалистическая внешняя политика

[2] Карл Каутский: «Торговая политика и социал-демократия».

Другие пацифисты предлагали укрепление внутреннего рынка, оживление покупательной способности масс. Капитализм должен был добровольно отказаться от наживы, от вывоза капитала.

Еще одна группа пацифистских «сторонников разумной политики» стремилась дать новое направление мировой политике Германии, выставив требование, чтобы Германия вывозила побольше товаров высокого качества и тем самым завоевала чужие рынки без военных кораблей, лишь качеством своей продукции.

Далее, были и такие экономисты и политики, которые на основании изучения международных трестов высчитали, что эти тресты обеспечивают мир. Они лишь забыли, что эти концерны вовсе не были настроены «пацифистски», и что форма их борьбы изменилась, но содержание осталось прежним.

Все эти экономические комбинации создали пацифистскую идеологию в левых кругах буржуазии, непосредственно незаинтересованных в экспансионистской политике. Эти же соображения стали все более и более оказывать влияние на социал-демократию. Социал-демократ Фольмар уже в 1891 г. выступал в роли комментатора этих идей.

Банкротство социал-демократии, ее полный провал в наиболее важном вопросе всякой политики, а именно, в вопросе об империализме, обнаружились ярче всего на штутгартском конгрессе (1907 г.).

На вопрос о защите отечества, в эпоху империализма и в интересах империалистических великих держав, — не было дано определенного и ясного отрицательного ответа. Теоретический пацифизм, будучи, в сущности не теорией, а лишь произвольной комбинацией несуществующих тенденций мировой политики, на практике породил воинствующий патриотизм, войну до победного конца, социалистическую оргию шовинизма. Во время мировой войны официальные социал-демократические партии забыли, по выражению Розы Люксембург, социализм точно плохо заученный урок.

* *
*

Второй Интернационал и социал-демократические партии завершили после войны то, что было начато ими

во время войны. После войны они совершенно так же, как и во время гигантской бойни, отказались от всякой самостоятельной мысли, от всякого самостоятельного взгляда. Мы видим полную капитуляцию социал-демократии перед капитализмом, и не только на практике, в политике, но и в теории. Эта капитуляция совершилась в гораздо более крупном масштабе, чем некогда капитуляция Бернштейна с его ревизионизмом. Бернштейн до войны просто не имел случая отказаться в практической политике от всякого социалистического критерия, как это сделали социал-демократические партии во время и после войны. Правда, социал-демократы и их теоретики не могли не признать, что мир, благодаря войне, все же несколько изменился. Гильфердинг дает совершенно правильную оценку последствий мировой войны: [1]

«В результате войны капиталистическое хозяйство представляется материально расширенным». [2]

Однако, из этого процесса концентрации капитала, из этого процесса образования трестов и картелей, из всех этих экономических фактов, по мнению Гильфердинга, вырастает не социализм, а какая-то хозяйственная демократия, теряющаяся в тумане будущего.

Когда-то, правда, тот же Гильфердинг выражал такое мнение:

«Исторический закон гласит: в общественных образованиях, покоящихся на классовых законах, крупные социальные перевороты происходят лишь тогда, когда господствующий класс уже достиг наивысшей концентрации своего могущества. Таким образом, победа пролетариата связана с концентрацией экономической мощи в руках немногих капиталистических магнатов и их объединений, и с их господством над государственной властью.

«Финансовый капитал в своем завершении знаменует высшую ступень экономического и политического полновластия в руках капиталистической олигархии... В мощном столкновении враждебных

---

[1] Р. Гильфердинг: «Проблемы времени», журн. «Die Gesellschaft», апрель 1924.

[2] Р. Гильфердинг: «Финансовый капитал».

интересов диктатура капиталистических магнатов переходит, в конце концов в диктатуру пролетариата».

И вот, в наши дни все эти рассуждения оказываются ложными, и спасение пролетариата, борьбу с мировым империализмом нам предлагают видеть в свободной торговле! Итак, назад к иллюзиям манчестерской школы! Вычеркнем иэ жизни пятьдесят лет развития империализма и социализма, и в скором времени, благодаря свободной игре купли-продажи товаров, мы получим возможность уютно устроиться на земле, и даже без особого мордобития.

Гильфердинг пишет:

«Нагромождение картелей приводит к чрезвычайному обострению международной конкуренции, к все новым и новым мерам противодействия, которые, в свою очередь, особенно тяжко ложатся на промышленность, изготовляющую фабрикаты. Система запретительных пошлин, применяемая в одной стране, укрепляет и усиливает такую же систему в других странах. Нарождается стремление освободиться от этой усиленной конкуренции путем империалистического захвата и монополизирования возможно большего количества частей мирового рынка. Политика запретительных пошлин ведет, таким образом, к опасности военных конфликтов. Поэтому пропаганда свободной торговли представляет собой существенный элемент политики реального пацифизма».[1]

В былое время Гильфердинг клеймил эти тенденции им же придуманного понятия «реальный пацифизм», как контр-революционные; он считал, что

«Единственной целью современной пролетарской политики может быть только полное упразднение всякой конкуренции путем победы над капитализмом, а отнюдь не ставший уже реакционным идеал восстановления свободной конкуренции.

«На буржуазную дилемму: запретительные пошлины или свободная торговля? — пролетариат отвечает:

---

[1] Р. Гильфердинг: «Торговая политика и аграрный кризис», журн. «Die Gesellschaft», май 1924.

ни свободная торговля, ни запретительные пошлины, а социализм и организация производства... Социализм перестал быть далеким идеалом, он даже перестал быть «конечной целью», лишь направляющей требования современной жизни, и превратился в существенный элемент непосредственной практической политики пролетариата».[1]

Мы, по выражению одного из наших друзей, сторонники осторожного употребления таких слов, как предатель, но здесь мы ставим вопрос: когда ошибался Гильфердинг, до или после войны? Во всяком случае, если он ошибается теперь, то пусть бы эта ошибка была теоретической, но ведь на практике она оказалась весьма выгодной, ибо привела его, хотя и лишь на несколько недель, к министерскому креслу. Мы не сомневаемся, что Гильфердинг сделался министром не ради удовольствия быть ренегатом, а лишь повинуясь «тяжелой обязанности», но так уж устроен свет, что еще со времен Пилата изменение мнения в пользу сильных мира сего никогда не остается без награды.

Но что же изменилось на самом деле? Осуществилось то, что в течение тридцати лет ежедневно повторяла вся марксистская школа: коллосальная концентрация, превзошедшая даже все марксистские перспективы, всепоглощающий и всеуничтожающий империализм, и еще один пустячок: захват власти пролетариатом в самом большом государстве мира! Тем не менее, Гильфердинг недоволен марксизмом. Марксизм его более не удовлетворяет. Гильфердинг говорит о «психологических объяснениях» новых явлений таким тоном, каким даже Колумб не говорил об открытии Америки; он цитирует Эрнста Маха и приходит к выводу: «Посмотреть и изменить!» Это означает: посмотреть и все забыть! Мы не сомневаемся, что перед нами поставлены новые проблемы; мы не придерживаемся также мнения, что каждый раз, когда перед нами вырастают сложные явления, причины и действия, мы должны твердить: об этом, мол, не говорится ни на стр. 150 «Капитала», ни во втором томе «Теории прибавочной

[1] Гильфердинг: «Финансовый капитал».

ценности», ни в «Детской болезни левизны», и, что, следовательно, этих проблем для нас не должно существовать. Подобный метод познания мы охотно предоставляем святым Лойолам всех толков и партий. Всякая формула познания является балластом, всякая истина — ложью, если они не почерпнуты из действительной жизни и если их не подвергнуть дальнейшему анализу. Но наш критический и диалектический способ мышления и анализа не позволяет нам падать ниц перед каждым новым фактом и потеть от восторга перед каждым новым явлением. Именно так, однако, поступают ученые «освободители народов», и это вполне соответствует их теоретическому банкротству. Сегодня они славят Канта, завтра — генерала Лоссова, послезавтра — Макдональда, затем генерала Ноллэ, и так до бесконечности. Такова теория к соответствующей практике социал-демократии. В виде компенсации за отказ от марксизма, Гильфердинг и социал-демократия обещают нам вступление в британскую колониальную империю. Англия и Америка держат сегодня в своих руках военную, политическую и экономическую мировую гегемонию, и Гильфердинг отсюда делает вывод, что эра вечного мира может теперь начаться. Он видит тресты, миллиарды, нефтяные источники, лаборатории ядовитых газов и судостроительные верфи англо-американских властителей мира, но не видит сил, противодействующих всему этому. Для Гильфердинга и всех пацифистов существующие ныне соотношения сил являются непреложными, ненарушимыми и вечными, как гордые вершины Гималайских гор. Мы же напомним лишь, что гегемония Англии и Америки — не первая гегемония в истории. Египетские фараоны когда-то тоже владели всей известной тогда частью земного шара, и все же от всего их могущества ничего не осталось, кроме скучающих пирамид да дамских dessous в стиле Тутенхамона у наших модниц. В настоящее время в мире действуют и развиваются тысячи сил в противовес англо-американской гегемонии; эти силы могут достигнуть такой же исполинской мощи, как и власть, сегодня подавляющая нас и господствующая над нами. Такова диалектика в процессе развития Англии и Америки, и таков человек, который мыслит, действует и возмущается. А вот теория нового идеолога социал-демократии, Луйо Брентано, представляет

собой уродство, которое только и могло появиться в «социалистическом» журнале. Он пишет следующее:

> «Грозящая нам опасность объединения Великобритании с ее доминионами в один большой таможенный союз делает своевременным вопрос о том, не целесообразно ли для нас постараться быть принятыми в предполагаемый британский таможенный союз». [1]

Такая теория, такие гипотезы и такие стремления ставят нас гораздо ниже потомков индейцев, открытых недавно вблизи Панамы. Это — теория, достойная рабовладельцев; она превращает социализм в нечто менее значительное, чем учение вегетерианцев, и требует, чтобы народы и классы либо исчезли с лица земли, либо были готовы видеть в действиях сильных мира сего провидение и бич божий.

---

[1] Луйо Брентано: «Запретительные пошлины и свободная торговля в Англии и Германии», «Die Gesellschaft», июнь 1924 г.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Большая политика после Версаля.

Версальский мир. — Могущество Америки. — Вашингтон. — Пробуждение колониальных народов. — Россия. — Франция. — Германия и репарации.

Версаль снова доказал, что на земле не бывает чудес. Самые глупые люди мировой войны, вильсонианцы, пацифисты и «честные» социалисты, как известно, были убеждены, что победители придут в зал конференции, посыпав пеплом главу, и приступят к разделу земли по-христиански. Но великие тенденций, диктуемые законами политического поведения, не могли измениться. Возможно, правда, что империалистические захватнические стремления изменили в некоторых странах свою исходную точку, но земля продолжала вращаться вокруг солнца, и не могло быть и речи о пересоздании ее, как не было и после бегства Магомета из Мекки в Медину, после какого-нибудь всемирного конгресса или после доклада сведущих людей.

Представители держав - победительниц были даже настолько подлы и гнусны, что ни на минуту не забывали, что они победили в мировой войне силою своего оружия. Они рылись в книгах Всегерманского союза, они зачитали все акты бухарестского и брест-литовского мирных договоров, они припомнили немцам восторженное объявление ими второй Пунической войны, и не забыли процитировать слова одного пангерманца, утверждавшего еще до войны, что «противнику следует оставить лишь глаза, чтобы оплакивать свое горе».

А затем уж они заключили мир. И тем не менее, — война привела к безусловно революционным последствиям. Четыре года войны не могли пройти настолько бесследно,

чтобы история снова могла начаться там, где она остановилась 5 августа 1914 г.; другими словами, неслыханный социальный переворот должен был породить результаты, имеющие очень мало общего с желаниями и надеждами всех участников войны. Мы полагаем, что в общем итоге влияний войны пять следующих фактов имеют первостепенное значение: русская революция, падение Австро-Венгрии, гегемония Франции на материке, господствующее в мировом масштабе положение англо-саксонских государств и пробуждение колониальных народов.

После войны изменился внешний облик мира и переместился экономический центр нашей планеты. Подобный процесс изменения политической географии совершался в истории уже не раз; так, например, несколько столетий тому назад, центр мира из Азии переместился в Грецию, а из Греции в Рим. Тогда этот процесс продолжался от 400 до 500 лет; теперь же, во время войны, при темпе, свойственном капитализму, он занял неполные десять лет.

Америка из должника превратилась в кредитора, имеющего предъявить европейским правительствам счет в 11 миллиардов долларов. Тоннаж флота возрос со сказочной быстротой. Морской флот увеличился с 1914 г. в десять раз. До войны ежегодно на воду спускалось 300 000 тонн, в 1916 г. — 500 000 тонн, в 1917 г. — 1 000 000, в 1918 г.— 3 000 000 и в 1919 г. — 4 100 000 тонн. Вывоз выражался в 1913 г. в сумме 10 200 миллионов марок, а в 1919 г. он достиг суммы в 29 700 миллионов марок. Это баснословное развитие Соединенных Штатов создало новые фокусы империалистических противоречий, новые центры сил, новых соперников. Тихий океан сделался центром событий. Здесь, на берегах Азии, должен был решиться дальнейший ход событий.

Возник вопрос, станет ли мощь Британии поперек пути Северо-Американской республике, или же на некоторое время окажется возможным союз между Америкой и Англией. Англия отказалась от своего долголетнего союзника — Японии,—и вступила в соглашение с Америкой. Вашингтонская конференция является самым важным событием после версальского мира. Она моментально ликвидировала англо-американские разногласия и впервые сделала возмож-

ной англо-американскую гегемонию в мировом масштабе. Доктрина Монрое, доктрина пан-американской изоляции, была так же ликвидирована, как и диктатура Британии на морях. Конечно, вашингтонский союз не формулирован в точных параграфах и не уничтожил раз и навсегда англо-американских разногласий. Он и не мог уничтожить их, ибо вопросы о морях и океанах не решаются за зеленым столом до боя. Наоборот, вашингтонское соглашение лишь обострило великие противоречия мировой политики, так как империалистические соглашения, разоружения и мирные договоры всегда направлены против кого-нибудь. Также и совещание в Белом доме привело к разделу новых земель и новых интересов. Разделу подвергся Китай, т.-е. к Срединной империи применили политику «открытых дверей». Японию благословили ее прежними аннексиями, Кореей и Шаньдуном. Формально, вашингтонская конференция окончилась союзом четырех держав на Дальнем Востоке (Америка, Япония, Франция, Англия), на самом же деле этот четверной союз означает объединение Америки с Англией против Японии и Франции. Руководящую роль при этом играют Соединенные Штаты. Они при своей силе, своем богатстве, своей ясной концентрической цели, ничем не связаны в своей тихо-океанской политике, тогда как Британия не может сосредоточить свои силы только в одном Тихом Океане. Она должна еще оберегать пути из Тихого океана в Индию и из Индии в метрополию, она должна считаться с доминионами, с Новой Зеландией, с Австралией и Канадой. Таким образом, в Тихом океане лежит теперь великая ось будущих конфликтов. Эта ось имеет, приблизительно, такое же первостепенное значение, как до войны—линия на Багдад. Сюда привлекают колоссальные источники сырья, густо населенный Китай, богатая Корея, Монголия и Сибирь.

Итак, в Вашингтоне «пришли к соглашению» относительно Китая. Конечно, не стоит говорить о том, что Китай ни о чем не спрашивали — это было бы банальным; но тем не менее, этот банальный факт чрезвычайно важен, ибо в результате мировой войны, вследствие развития производительных сил колоний, в мировую политику изнутри вошла новая сила. Объект политики превратился в ее субъект: мы имеем в виду колониальных рабов.

Факт участия в мировой войне больших масс колониальных рабов представляет собой революционный фактор первостепенного значения, подобно тому, как развитие современного милитаризма и вооружение широких народных масс превратились в революционный фактор против воли тех, кто провел массовое вооружение в силу данных объективных условий. Мировая война железной рукой выхватила мужчин из деревень и городов Европы и послала их в траншеи. Но это было не все: оргии Вердена, бои в Шампани, Галиции и Месопотамии требовали большего числа жертв.

Деревням и городам Азии и Африки пришлось посылать своих сынов на европейские, азиатские и африканские поля сражений. Вооружили, формировали в полки и повели в бой коричневых, черных и желтых людей. Здесь колониальный раб убедился, что грудь белого человека так же доступна для пули, как и его собственная, и что всякая кровь красна. Он убедился, что земля с одинаковой жадностью пожирает и белых и цветных людей. После долгих годов войны цветной человек вернулся домой и рассказал в деревнях Индии, Африки и Месопотамии, что перед пулей и перед смертью все люди равны. Он научился владеть оружием и вскоре задумался над вопросом, почему он должен пользоваться им исключительно по команде белого человека. В этом отношении империализм выполнил революционную работу, и притом такую, которая занимает по своему значению далеко не последнее место среди дел мировой войны. Когда-то Маркс писал в «Коммунистическом Манифесте», что дешевые цены товаров, это — тяжелая артиллерия, с помощью которой капитализм разрушает все китайские стены. Здесь же китайские стены всех колоний были разрушены настоящими пушками. Пушки мировой войны привели к одному результату: к пробуждению колониальных народов.

Мировая война индустриализировала Индию, Японию и Австралию. Уже во время мировой войны во всех пяти частях света в повышенном темпе стали обнаруживаться признаки стремления к самостоятельности; при этом развитие капитализма в Австралии, Японии, Индии и Египте совершалось гораздо быстрее, чем некогда в классической стране капитализма, в Англии. Развитие капиталистических стран Востока шло прямо-таки с катастрофической быстро-

той. После войны американский и английский финансовый капиталы не могли направиться в Германию вследствие «неустойчивого политического положения»; русский рынок оставался закрытым; вследствие этого финансовый капитал был двинут в колонии и помещен в Азии и Южной Африке. Сумма капиталов, помещенных в колониях, превысила капиталы, помещенные в Европе. До XIX века стремления всех крупных финансовых сил были направлены к тому, чтобы не дать развиться промышленности в колониях; теперь же, ход событий преодолел эти стремления. Новая тенденция появилась и ранее 4 августа 1914 г., но она была в гигантских размерах усилена мировой войной. [1]

> «С конца XIX века почти повсеместно в Новом Свете начинается новое развитие. Целью его является возможно большая и многосторонняя промышленная самостоятельность. От развития предшествовавших эпох оно отличается тем, что оно пользуется европейской техникой и организацией хозяйства, т.-е. делает то же самое, что делали задолго до этого Соединенные Штаты и с теми же видами на успех, по крайней мере, в вопросах снабжения внутреннего рынка. Эти тенденции проявляются как в Мексике, Аргентине, Бразилии и Чили, так и в Австралии, Новой Зеландии и Южной Африке... Они намечаются в переменах торговой политики этих стран, которая уже больше не придерживается фритредерской тенденции аграрных государств, а склоняется к запретительным пошлинам. При этом, — и это весьма характерно, — она благосклоннее относится к подсобным материалам и машинам, необходимым для новой промышленности, и тем самым отчасти производит перемещение в товарных категориях европейского ввоза: центр тяжести переходит с готовых фабрикатов для потребителя на средства производства и полуфабрикаты».

С течением времени из этого развития должен был получиться лихорадочный круг: чем меньше товаров могут вывозить крупные капиталистические государства

---

[1] Бруно Куске: «Значение Европы для развития мирового хозяйства».

Европы, тем в большем размере они вынуждены помещать финансовый капитал и, следовательно, в будущем еще более сокращать вывоз товаров.

Наконец, еще одно соображение: слова, которыми державы Антанты лишь играли во время войны, получили вдруг жизненный смысл в колониях и доминионах. Державы Антанты провозгласили в Египте, в Месопотамии, в Индии во время мировой войны в интересах ведения войны такие прекрасные вещи, как «свобода от тирании», «самостоятельность против кайзеризма» и т. п.

Британское военное командование использовало арабов для войны против Турции. Аравийская земля, простирающаяся до Персидского залива, Месопотамия, Сирия и Палестина не только были использованы, как стратегические пункты, но и мобилизованы для войны. Теперь все эти народы потребовали самостоятельности, ибо британское правительство обещало дать им эту самостоятельность, а затем аннексировало их страны. Во время войны Британия раздавала экземпляры библии, а затем потребовала дороги и реки, нефтяные источники и богатства земных недр. Гильберт Муррей, английский либерал, пишет по по этому поводу: [1]

> «Как выяснилось, Франция и Англия поделили между собой драгоценную нефть на основании частного соглашения, которое оставило жителям Месопотамии лишь небольшую часть нефти, а всему остальному миру ровно ничего. Не было сделано никакой попытки образовать арабское правительство. При случае, к английским чиновникам, исполнявшим всю правительственную работу, прикомандировывали арабских чиновников, но делали это весьма неохотно. Случайно получило распространение письмо, в котором английский офицер отзывался о важном арабском чиновнике, назначенном ему в сотрудники, в следующих выражениях: «Я скоро доведу его до того, что он будет лизать мне сапоги». Однако, скоро стали проявляться симптомы неудовольствия, отказы от уплаты налогов, возвращение старых, пользующихся дурной славой турецких и германских агентов

[1] Гильберт Муррей: «Проблема внешней политики».

и, наконец, открытое возмущение. Правительство отвечало массовыми казнями и карательными экспедициями. Аэроплан, сбрасывающий бомбы и зарекомендовавший себя прекрасным орудием борьбы, оказался прямо-таки роковым средством в руках полиции. Британские освободители явились в страну, по точно выраженному желанию населения, чтобы учредить свободную Аравию, которой английский резидент должен был помогать дружескими советами. Дело же кончилось тем, что по подсчету полковника Лауренса, англичане убили 10 000 арабов и вызвали ожесточенную войну во всей стране. Пришлось мобилизовать стотысячную армию, чтобы вновь завоевать страну».

Но английская мировая империя терпелива. Покончив счеты с Месопотамией, она приступила к той же политике в Египте. Теперь «консолидируют» английское господство в Египте и «вновь укрепляют» его в Индии. Однако, эта политика в широком кругу вокруг Суэцкого канала приводит не только к кровавым столкновениям с туземцами, но создает также и поводы к конфликтам с Францией.

«Арабская политика Англии, необходимая для того, кто владеет Индией и Египтом, превратилась после поражения Турции и Германии в угрозу для Франции».[1]

В виду этого Клемансо заявил:

— «Везде, где есть Томми (английский солдат), должен находиться и пуалю (французский солдат)».

* * *

Как мы видели в начале книги, войны французской революции и походы Наполеона породили в Европе национальное движение. Конечно, штыки Бонапарта создали национальности не тем, что блестели на солнце. Они могли это сделать, потому что капитализм сам давно уже готовился сокрушить английскую гегемонию на материке; однако,

---

[1] Пьер Лиотэ: «Драма Востока и роль Франции».

традиции феодализма требовали, чтобы путь для свободного развития был расчищен мечом. Таким мечом явился меч французской революции. Тем же, чем была французская революция для образования европейских национальностей, — для азиатских и африканских народов является триумф русской революции. В легендарных горах Азии, среди забытых народов Персии, Индии и Египта рождаются для жизни из пепла прошлого новые народы.

Конечно, все это было столь же мало результатом свободной воли баррикадных бойцов Москвы и Петрограда, как в свое время — маршалов Бонапарта.

Внешние дела являются, пожалуй, наиболее устойчивым элементом в политике народов. Так Бонапарт продолжал в Африке политику Бурбонов, а Кромвелль — политику английских королей; основа остается одна и та же. Революция не может сделать так, чтобы реки потекли от устья к истокам, а не от истоков к устью. Однако, отсюда мы делаем иные выводы, чем те социал-демократы, которые думают, что рабство в колониях является железным законом социализма. Мы полагаем, что восстание колониальных рабов математически точно совпадает с интересами международного пролетариата. Именно в этой области рабочему движению поставлены величайшие и труднейшие, по истине исторические задачи. Если бы в этом вопросе у социализма были противоположные интересы, он перестал бы существовать, ибо он оказался бы в противоречии с развитием, которого желают на четырех материках сотни миллионов людей, и которое пролагает себе путь с неумолимостью закона природы.

Рост освободительного движения колониальных рабов представляет сейчас серьезный вопрос текущей политики, что́ признается не только радикалами и коммунистами, но и буржуазными социальными политиками; однако, они стараются лишить его истинного смысла пацифистскими уловками. Эта попытка является еще одной иллюзией в истории человеческих иллюзий.

Французский министр колоний в последней палате национального блока, Альбер Сарро, произнес по этому вопросу в пленуме палаты следующую речь:

«В других колониальных державах цветной человек, может-быть, имеет в теории больше прав, но он никогда не сможет пожать руку белого, как равный ему человек. Мы же с отеческим попечением прижали к нашей груди измученное лицо черного и желтого брата, и он мог убедиться в том, что наше сердце бьется в унисон с его сердцем.

«Мы никогда не были сторонниками одного только материального завоевания. Мы прежде всего желаем, мы прежде всего ищем завоевания человека добротой. Мы стремимся к прогрессу, мы стремимся к красоте права».

Говоривший это был министром колоний третьей республики. Третья республика, как и все империалистические страны, имеет кровавую историю завоеваний в Африке и Азии. Много тысяч африканцев и сиамцев покоится на кладбищах Марокко и Туниса, в Индо-Китае и на Мадагаскаре. Все эти колониальные рабы были, — по красивому выражению министра колоний, — вероятно, задушены в слишком любвеобильных объятиях Франции. Лишь великая мировая война заставила министров колоний, главных рабовладельцев, выражаться таким манером.

* * *

Диктатура Франции в Европе покоится на хозяйственной основе, — на металлических богатствах Лонгви, Бриэ и Лотарингии.

Известно, насколько внешняя политика Германии служила интересам имперских железных королей. Германская морская политика велась не в последнюю очередь в интересах металлической промышленности. Германский генеральный штаб был во время войны исполкомом германской промышленности. Вот что пишет Людендорф 14 сентября 1917 года в своей «Докладной записке о целях войны»:[1]

«На западе мы владеем обоими крупными центрами Лотарингских и Люксембургских рудников с Саарской областью и Нижне-Рейнско-Вестфальской промышлен-

[1] Полковник Швертфегер: «Причины гибели и т. д.»

ной областью, которая будет все более и более распространяться по направлению к бельгийской и голландской границам...

«Полное обеспечение этих областей является для нас вопросом жизни. Здесь мы должны достичь возможно больших результатов, на которые мы имеем право в силу нашего положения. Если мы ничего не достигнем здесь, наше положение грозит тяжелыми осложнениями. И тогда следовало бы предпочесть продолжать войну и не думать о мире. Лотарингский рудный бассейн требует расширения на запад; чем больше он будет, тем легче будет обеспечить его. Сохранение довоенных границ привело бы к тому, что каждое политическое недоразумение отзывалось бы и на горных заводах с их многочисленными рабочими...

«... Недостаточно владеть линией Мааса, чтобы обеспечить промышленную область... Полной безопасности мы сможем достичь только тогда, когда оккупируем нашими войсками всю Бельгию и станем твердой ногой на фландрском берегу, в особенности в виду возможной постройки туннеля Дувр-Калэ...

«Сюда же относятся, кроме России, заокеанские рынки сбыта в Южной Америке, колониальные владения в Африке и морские базы вне пределов и в пределах этих колониальных владений... Мимоходом укажем, что наше значение на море и свобода нашей торговли много выиграли бы от тесного сближения с Данией, при помощи выгодных торговых договоров».

Эта программа, установленная Людендорфом для победоносной Германии, совпадает сейчас полностью, до самых мелочей, с политикой Франции.[1]

---

[1] Оценка, которую автор дает французской политике, является для настоящего времени уже несколько устарелой. В результате тяжелого финансового кризиса и под давлением англо-американского капитала, Франция была вынуждена значительно умерить свои империалистические аппетиты.

В дальнейшем изложении читатель также не должен забывать, что автор писал книгу в то время, когда в Англии еще стояло

В этом следует видеть не иронию судьбы, а абсолютный логический закон. Следует отметить лишь одно различие: германские угольные бароны хотели захватить металлическое производство Франции, а французские металлопромышленники — германские угольные копи, именно то, чего им недоставало. Но не только это, а даже и направление, указанное Людендорфом для колониальной политики империи, т.-е. требуемые им опорные пункты в Африке и Азии, представляет собой основу морской политики третьей республики. Выгодные торговые договоры, которые Людендорф хотел заключить с Данией, являются теперь хозяйственным фоном заключенного недавно между Данией и Францией союза. Экономическая аннексия Бельгии, которой требовал бывший германский генерал, сейчас также уже сделалась фактом, явствующим из согласования бельгийской военной и хозяйственной французской политики с французской. Франция усвоила политику Германии, желавшей быть победительницей, и осуществила гегемонию в Европе, к которой стремилась империя. Даже внешние конфликты, возникшие между Францией и Англией, — те же самые, которые были между германской империей и Британией в 1914 году. В Азии, в Месопотамии, в Египте, — всюду триколора сталкивается с английским флагом; то же самое происходило бы с победоносным германским знаменем, как это уже случалось и до 1914 г. Комиссия, учрежденная французским парламентом для расследования довоенной политики Германии, говорит:[1]

«Германские агенты везде получали от министерства иностранных дел следующие директивы: внушать миру убеждение, что изделия германской промышленности лучше всех других, и завоевать мир верою в превосходные качества германских товаров, после того как будет достигнута победа на глазах изумленного

у власти «рабочее» правительство Макдональда, во Франции на смену обанкротившемуся правительству «национального блока», с Пуанкарэ во главе, только-что успело притти правительство левого блока, опиравшееся на радикалов и социалистов и возглавлявшееся радикалом Эррио. Наконец, пресловутый план Дауэса, хотя и был уже выработан комиссией экспертов, но еще не был принят державами.

[1] «Доклад следственной комиссии по делам войны».

мира, и могущество Германии укреплено и усилено ее богатством».

Французское правительство напрасно не ввело в репарационные требования копии этой программы, чтобы разослать ее в качестве инструкции своим агентам во всем мире.

Постоянным элементом французской политики по отношению к Германии, европейскому материку и всему миру является союз французского металла и германского угля, независимо от пацифистской или воинственной болтовни министров. Это прекрасно знают англичане, и именно это имел в виду Ллойд Джордж в своем заявлении от 3 апреля 1923 года в палате общин:

> «Если Германия потерпит крушение, Франция окажется обладательницей Рура и его огромных запасов угля и железа. Если Германия пойдет на капитуляцию, французское железо и германский уголь соединятся в чудовищный синдикат. Что станет тогда с английской промышленностью?».[1]

Несмотря на тяжелое финансовое положение третьей республики, все же и поныне широкие массы Франции чувствуют себя победителями, и всюду жив еще дух победы. Это в первую очередь объясняется удивительным географическим положением Франции, в силу которого она является единственной хозяйственной областью Европы, имеющей возможность жить исключительно своими ресурсами. Франция — страна, которой уже 2000 лет тому назад восхищался греческий географ Страбон. Он писал о Галлии, земле между Пиренеями и океаном, орошаемой прозрачными и чистыми реками, которые могут быть использованы для судоходства по направлению к Средиземному морю и к океану. Страбон говорил о гармонии галльских пейзажей и о расточительной к этой стране щедрости провидения. Третья республика исповедует официальный оптимизм, разделяемый бо̀льшей частью народа, который имеет за собой столько славных революций и который сравнительно легко и быстро пережил ужасные катастрофы. Третья республика разрешает себе с легким сердцем агрессивную милитаристскую политику в Европе;

---

[1] Из книги Ж. Садуля: «Франция, как металлургическая держава».

тем более, что она чувствует себя обеспеченной географически и стратегически и со стороны Англии. Историк Эрнст Лависс пишет:

> «Куда идет развитие английских доминионов?.. Принцип доминионов соответствует прежде всего далекому расстоянию между метрополией и колониями. Но Африка находится вблизи от нас, черный материк является продолжением Франции. Доминионы стремятся к отделению от центра... Существует много Англий, но лишь одна Франция! Правда, мы — лишь вторая колониальная держава и гораздо менее обширная, чем первая, но мы думаем, что наше здание построено более прочно».[1]

* * *

Репарационную политику можно понять, лишь усвоив вышеприведенную точку зрения. Несомненно, что доклад комиссии экспертов есть — попытка соглашения враждующих французского и английского империализмов и, кроме того, уступка Франции перед лицом англо-американского совместного выступления. В докладе экспертов чисто финансовые соображения не играют главной роли. Главное место в плане Дауэса занимают меры для получения возможно большего количества золота, т.-е. контроль над германскими железными дорогами, над банками, монополиями и т. п.

Клемансо, заключая мир с Германией в Версале, высчитал, что Германия должна уплатить 463 миллиарда золотых франков. Эта сумма все уменьшалась, она постепенно таяла, и через три года, на Лондонской конференции, после дюжины совещаний и дипломатических путешествий, ее определили в 165 миллиардов золотых франков. Весьма вероятно, что сейчас она еще более сократилась.

Конечно, чисто финансовые вопросы имеют для Франции очень большое, но все же не первостепенное значение. Газета «Le Temps» сама заявила, что интересы Франции обеспечены и на случай принятия и на случай непринятия

[1] Лависс: «История Франции».

доклада экспертов. По поводу финансовой проблемы следует также напомнить, что французские промышленники при востановлении разрушенных областей уже успели получить прибыль в 20 миллиардов франков. На глазах у всего мира в Германии разыгрался рурский скандал, т.-е. большая историческая панама, при которой господа промышленники заработали миллиарды в золотом исчислении. Во Франции, может-быть в более скромном размере, произошел такой же скандал в деле восстановления разрушенных областей. Решение вопроса не было бы столь трудным, если бы чисто финансовая сторона играла главную роль. В таком случае проблему можно было бы решить соглашением нескольких банкиров. Но тогда оказались бы правы певцы пацифизма, сетующие уже несколько лет о том, что мир совершенно потерял «разум». И тогда же были бы правы и люди в роде банкира Блока, который в 90-х годах выдвинул теорию невозможности войны вследствие ее малой доходности. Наконец, тогда были бы правы и такие, как Норман Энджель, который тоже доказал, что война невозможна из-за ее убыточности.

После версальского мира германская политика сделала роковую ошибку, которая была и одной из причин рурской катастрофы. Германия рассчитывала на разногласия между английской и французской политикой и полагала занять в споре позицию «третьего радующегося лица». Германская политика совершенно правильно подметила англо-французский конфликт. Но она подметила лишь тенденцию и ход развития этой политики и вообразила, что стоит Германии только дунуть, как флоты Англии и Франции сойдутся в канале Ламанш на смертный бой! Это было наивностью, достойной всей традиции германской внешней политики, традиции, позволившей Куно заманить промышленников в свою лавочку. Но вот предъявляется счет! Германская промышленность согласна платить по нему, т.-е. согласна заставить платить за себя других. Обесценение марки стало угрожать барышам инфляционных спекулянтов и, кроме того, в процессе обращения денег, пришлось вследствие инфляции перейти на расчет в золотых марках. Вот почему был установлен твердый курс марки: инфляция перестала давать доходы, и барыши должна

была дать стабилизованная марка. Таким образом, теперь германская промышленность согласна, чтобы платили за нее, ибо на ней тяжелым бременем лежат договоры о востановлении разрушенных войной областей (Micum-Verträge), а саботаж и вынужденные платежи стали невыгодным делом. Вот почему ищут почвы для более выгодных предприятий. Георг Бернгард, понявший суть вещей, писал по этому поводу:[1]

> «Представители тяжелой индустрии, повидимому, поняли, насколько они сами себе повредили, устраивая препятствия для «политики выполнения». Теперь они жаждут регулировки, способной создать нормальные условия и, главным образом, выяснить, какую долю их обязанностей возьмет на себя государство и как им заполучить хотя бы часть значительных сумм, уплаченных ими за империю».

В этом духе господин Стиннес и составил свое политическое завещание. Он ни одну секунду не забыл о том, что за все его соглашения с французскими промышленниками заплатить должно германское государство. Вот что́ он заявил в «Журналь-де-Деба́» за несколько месяцев до своей смерти, постигшей его, как всякого простого смертного:

> «Договоры, заключенные рурскими промышленниками с «Микум» являются только началом. Их первый результат выражатся в обложени рурской промышленности таким бременем, которое падает на государство и в несении которого должна участвовать вся Германия. Конечно, мы не в состоянии заплатить за Германию должные с нее репарации. Мы изъявили свое согласие сделать в течение определенного срока такого рода попытку. Заключением договоров с «Микум» мы, в качестве частных лиц, стали на место другого должника, а именно — германского государства».

Теперь лишь начинается великий торг. И теперь снова поднимается вопрос, поставленный нами не сегодня лишь, а с 1914 года: Кто уплатит военные издержки?

---

[1] «Фоссише Цейтунг», 13 апреля 1924 г.

Конечно, вследствие частого повторения, этот вопрос стилистически, да и политически, стал однообразным, но для тех, кто должен платить, этот вопрос не лишен остроты. Для них он означает вопрос о голом существовании, для них от так же конкретен, как были конкретны газы, пушки, грязь и тиф в окопах. Вопрос этот — не вопрос для академии наук, а вопрос о насущном хлебе для широких масс германской нации. Военные издержки, т.-е. так называемые репарационные платежи, предполагается, повидимому, возложить на тех, кто до сих пор всегда и за все платил в германском государстве, — на широкие массы германского народа.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Война или революция?

Силы пацифизма. — Пацифистские правительства. — «Разоружение» Англии. — Разоружение и нефть. — Лига наций. — Силы и размеры будущей войны. — Империализм и гражданская война.

Карл Маркс пишет в «Капитале»:

> «Лишь только дело коснется вопроса о собственности, сейчас же выдвигается священная обязанность поддерживать точку зрения детского букваря, как единственно справедливую по отношению ко всем возрастам и ступеням развития. В действительной истории, как известно, главную роль играют завоевание, покорение, разбой, словом,—насилие. В благодушной политической экономии спокон века царит идиллия».

Маркс в этих строках полемизирует с Тьером. Но мы полагаем, что эти строки так же хорошо подходят к пацифистам всех оттенков. Как известно, чем больше говорят о мире, тем ближе война. Болтовня о мире является артиллерийской подготовкой людских мозгов для будущей войны. Во всей мировой политике нет другой силы, способной обеспечить мир, кроме силы рабочего класса. Эту-то силу желают сломить мирными обещаниями и мирными комплиментами официальных правительств, декламациями тех представителей рабочего класса, которые уверяют, что при ближайшей войне они объявят общую забастовку, но которые считают невозможным голосовать уже теперь против военных кредитов и военного бюджета в парламентах Франции, Англии и Германии. Эта тактика в практической политике приводит к тому, что посреди речей о мире, мир вдруг ока-

зывается поставленным перед войной, что война обрушивается неожиданно на бо́льшую часть каждой нации; ведь никто же больше не думает о возможности войны, так как день за днем ведутся платонические разговоры о мире, и при этом не показывают бронированного кулака, готового сокрушить военных героев. Пацифистская борьба против войны есть не что иное, как капитуляция перед ближайшей бойней! Военные герои всех стран лишь тогда не решаются пустить в ход свое пушки и газы, когда боятся увидеть воинственную силу, встающую против них внутри каждой страны.

Но перед лицом пацифизма, как говорил Маркс в полемике с Тьером, все ищут истины в детском букваре. Мир превращается в идиллию. Представитель американской плутократии принес земле мир, держа в одной руке «Эрфуртскую программу», а в другой брошюру Канта «К вопросу о вечном мире». И все это предподносится людьми, именующими себя социалистами и нашедшими большое количество вех на «пути к миру».

* * *

Пацифисты совершенно серьезно думают, что правительства Англии и Франции являются гарантиями вечного мира. Макдональд, по их мнению, сумел повернуть вековые тенденции британской империи и превратил их в гарантии всемирной идиллии от Китая через Сингапур и Мыс Доброй Надежды до Лондона, а Эррио — просто Наполеон мира. Маркс, правда, говорит об истреблении рабов во всех частях света, об исчезновении туземного населения и о травле во всех частях света, но Луйо Брентано, Гильфердинг, Квидде и Эррио придерживаются иного мнения. Мы, однако, не думаем, что с 1864 года, когда появился первый том «Капитала», в мире в этом отношении произошли какие-либо существенные перемены. Поэтому мы и должны рассмотреть, что̀ могут сделать Эррио и Макдональд.

Мы не закрываем глаз на различие, существующее между Мильераном и Эррио. Мильеран был абсолютным представителем металлической промышленности, а Эррио — вождь мелко-буржуазной французской демократии, нуждающейся в мире. Между Мильераном и Эррио имеется

различие прежде всего во внутренней политике. Во внешней политике различие сводится к одним лишь формулам. Эррио предпочтительно цитирует энциклопедистов, а Пуанкарэ — «короля-солнце».

В Франции же, попрежнему господствует Комитет металлургической промышленности, а французская промышленность попрежнему нуждается в угле. Пуанкаре вел свою политику не потому, что он самый отпетый негодяй, и не потому, что ему не нравилось померанское дворянство. О, нет! А потому, что стальное производство Франции дает ежегодно 10 миллионов тонн, добыча руды 43 миллиона, производство чугуна 11 миллионов, а залежи угля в 1917 году, например, составляли только 16 миллиардов тонн, тогда как залежи Соединенных Штатов составляли 2000 миллиардов, Англии — 400 миллиардов, а Германии — 200 мидлиардов тонн.

Вот что составляет основу французской политики! Что же может поделать с этим бедный Эррио? Комитет металлургической промышленности держит в своих руках власть, и, если Эррио не будет плясать по его дудке, он будет раздавлен. История не знает примера, чтобы какой-нибудь победоносный капиталистический слой добровольно отказался от власти. Союзники Эррио, правда, социалисты, значит — пацифисты. Однако, этот пацифизм проявляется лишь внутри страны; другими словами, социал-демократы полагают, что не следует оказывать организованного сопротивления французской буржуазии в ее планах и намерениях во внешней и внутренней политике. В остальном же вожди социалистической партии — бравые «защитники отечества». Господин Альбер Тома, например, был во время войны министром военного снабжения, господин Поль Бонкур занимает пост эксперта по военным делам. Пуанкаре неоднократно поздравлял его в палате депутатов за его националистский пыл. Союз французских социалистов с радикалами не представляет собой ничего нового, несмотря на великое торжество во всем мире и не смотря на то, что он должен был означать краеугольный камень, веху и поворотный момент истории. Наоборот, этот союз ослабил пролетарский фронт, который должен в каждой стране бороться за мир. Французские социалисты неофици-

ально правили вместе с радикалами с 1899 до 1907 года, оказывая иногда благожелательную оппозицию. В 1907 г. Клемансо вежливо вытеснил социалистов из правительства. Союз потерпел крушение в вопросе налогового законодательства, будучи побежден в решительной борьбе Жюля Геда против Жореса. Впрочем, Жорес, живший оппортунистом и умерший революционером, предвидел катастрофу коалиционной политики. Весь социалистический мир приветствовал соединение социалистических партий, как победу над министериализмом. Сейчас, в результате целого ряда причин и следствий, мы пришли к следующему трагическому положению: французская армия мира, т.-е. рабочий класс, частью плетется в хвосте коалиционной политики и тем самым делает невозможной мобилизацию всего рабочего класса против само собой понятной и естественной воинственной политики хозяев металлургической промышленности.

Радикальный блок, правящий в данный момент, доказывает лишь рассчетливый ум французской буржуазии, полагающей, что выгоднее защищать и расширять свое мировое могущество при помощи пацифистских речей, чем другими средствами.

Не взирая на господина Эррио и на социалистическую фракцию парламента в Бурбонском дворце, французский генеральный штаб заключил военные конвенции с Польшей, Чехо-Словакией, Юго-Славией и Румынией. Кроме того, французская политика стремится к союзу с Японией на Дальнем Востоке, к разделу Китая и к победе над Англией.

Мы не будем говорить о внутренней политике английской рабочей партии. Когда английский премьер заявляет о своем желании произвести регулирование границ от Японии до Ирландских портов, ему, по нашему мнению, можно ответить лишь одно: при существующем соотношении сил в мировом масштабе любое другое английское правительство имело бы точно такое же желание; и далее: если уже сами капиталисты

не могут решить проблемы капитализма, то без всякого сомнения вожди рабочей партии, принужденные опираться политически на враждебные капитализму силы, еще менее способны это сделать. Макдональд вынужден вести внешнюю политику английского финансового капитала. Английский финансовый капитал временно может поддерживать и мирные тенденции, если это полезно для его завоевательных целей. Послушаем, что говорят буржуазные голоса. Французский адмирал Дегуи пишет о разоружении британской колониальной империи

> «Фактически Англия всегда управляется министерством иностранных дел, военным министерством и адмиралтейством. Флот и генеральный штаб знают, как они работают».[1]

Французский адмирал показывает, например, как более влиятельные силы саботируют действительно имеющиеся у Макдональда планы разоружения. По поводу столь нашумевшего отказа в кредитах для вооружения Сингапурского порта в Тихом океане адмирал пишет:

> «Что будет дальше? Очень просто! Сингапурский порт будут строить, несмотря на отказ в кредитах. Конечно, не сразу, а постепенно, медленно, за счет общих кредитов. Большинство, голосовавшее против этих кредитов, не будет возражать против постепенных затрат небольшими суммами».

Даже в том случае, если бы Макдональд был преисполнен самым горячим желанием разоружения, он ничего не мог бы сделать, не мог бы нарушить всю основу британской империи. Части этой империи, Австралия и Канада, ничего не желают и слышать о разоружении, в виду близости Японии. Австралия и Новая Зеландия желают забронировать себя против Токио и восстают против отказа от Сингапура.

Во всем этом вообще выясняется, какими фантастическими комедиями оканчиваются планы разоружения.

---

[1] Адмирал Дегуи: «Вопрос о Сингапуре».

В первую голову следует помнить, что планы разоружения, возвещаемые всему миру с музыкой и с пацифистскими речами, очень часто являются предпосылками для состязаний в новых вооружениях. Очень легко скрыть от широкой публики каким-нибудь одним словом сложный механизм политики. В половине всех случаев, когда говорили о разоружении, под этим лишь скрывалось уничтожение старых военных материалов, ставших непригодными в виду успехов техники.

О Вашингтонском разоружении говорили в Америке и Японии так же много, как об «эре мира», будто начинающейся ныне в Европе.

Послушаем по этому поводу военного эксперта:

> «Время от войны до конференции прошло, впрочем, под знаком ликвидации ставшего вследствие окончания войны излишним судового имущества и личного состава флота. Весь материал, не соответствующий последним требованиям техники, был исключен из списков».[1]

А что же было после конференции?

> «Решающие факторы, обусловливающие достижение или недостижение поставленных целей, в конечном счете, как и на всякой другой конференции, зависели исключительно от могущества ее отдельных участников. Опираясь на свою силу, Франция могла отказать в согласии на урегулирование вопроса о подводных лодках, а в виду англо-саксонского могущества Япония отложила свои политические планы. В конце концов, результаты конференции оказались не чем иным, как выводами из предшествующего развития и из новых соотношений сил».

Но в то же время, когда Лондон и Вашингтон обменивались поздравительными телеграммами по поводу так называемого разоружения, Британия продолжала свои морские вооружения в Тихом океане против Северной Америки. Прямой путь в Индию ведет через Суэцкий канал. Но уже

---

[1] Капитан-лейтенант Люттьенс: «Развитие морских держав с 1918 по 1922 г. и влияние на них вашингтонской конференции».

до его открытия существовали сношения с Индией, а именно вдоль укрепленной морской линии Атлантического океана, вокруг западного берега Африки и мыса Доброй Надежды. В настоящее время этот старый путь Британии в Индию и в Тихий океан приобретает большое значение, являясь запасным путем в Индию, не находящимся под угрозой со стороны Франции. В Средиземном же море, не ослабевая, продолжаются вооружения и морская политика против Франции. Британия всеми силами стремится к образованию средиземно-морского союза с Испанией и Италией против Франции. Это новое издание плана окружения, прежде направленного против Германии, а теперь против Франции, перенявшей роль Германии.

«Атлантический флот Англии уже с полгода снова стоит в Гибралтаре, а флот Средиземного моря стационирует большей частью у Мальты. В последние дни оба флота соединились в бухте Поленза у принадлежащих Испании Балеарских островов для стратегических маневров в общем составе 15 линейных кораблей, 12 малых крейсеров, 47 истребителей и 8 подводных лодок. Балеары, это — старая операционная база Нельсона... Очевидно, британское адмиралтейство, сыгравшее очень большую роль в истории Великобритании, думает иначе, чем господин Макдональд».[1]

Пути и географические направления морских вооружений Англии, равно как и расположение ее морских баз, не определяются, конечно, ветхим заветом пуритан или категорическим императивом кенигсбергского философа, а линией областей, где имеется нефть. В мировом масштабе вся стратегия и топография сильнейшим образом определяются источниками нефти.

«Англия упорно идет по пути, указанному сэром Г. А. Детердингом, о котором такая своеобразная личность, как адмирал Фишер, сказал: «он напоминает Наполеона по смелости и Кромвеля по своей

---

[1] Вице-адмирал А. Гопман: «Значение флота при настоящем мировом положении».

прямолинейности». Этот путь привел к следующим результатам: в настоящее время образуется подчиненный английскому правительству или англо-голландскому тресту «Роял-Дэч-Шелл» пояс нефтяных месторождений. Такой пояс тянется от Восточной Европы через Россию, которая наверно скоро снова попадет в сферу английского влияния, Месопотамию, Персию, Британскую и Нидерландскую Индию, через Тихий океан к западной и центральной Северной Америке».[1]

Этот «нефтяной пояс» необходимо через материки и океаны окружить укрепленной стеной, делающей возможным нападение и оборону.

Повидимому, между Англией и Северной Америкой заключен компромисс в виду их еще гораздо более крупных общих интересов.

«На основе участия из 50% в разработке северо-персидских нефтяных источников...

Американскую точку зрения в вопросе о Месопотамии можно узнать из обмена нотами между Америкой и Великобританией, и между Америкой и Лигой Наций, в которых Америка выставила требование, впоследствии выполненное о допущении ее к распределению мандатов: Америка в качестве участника в общей победе желает охранить свои интересы здесь (в Месопотамии).

Сохранение принципа открытых дверей и одинаковые возможности для всех».[2]

Разногласия с Францией, однако, остаются в силе. Позиция Англии делается лишь постольку крепче, поскольку она получает в интересах «всеобщего мира» поддержку Америки за предоставление последней прав в размере 50%.

В общих мирных декларациях Макдональда, Эррио, а также на всемирном конгрессе второго Интернационала в Гамбурге о нефти говорили мало, но зато много говорили о стремлении к мировой гармонии, о развитии демократии и многом другом в этом же роде. Эти господа, очевидно, научились у крупных магнатов трестов кое-чему из области

[1] «За нефтяные поля Мосула», «Франкфуртер Цейтунг», 8 и 11 июля 1924 г.

[2] «Франкфуртер Цейтунг», там же.

угольной, металлической и нефтяной промышленности. Когда в конце Лозаннской конференции кто-то упомянул о нефти, лорд Керзон, с абсолютной элегантностью английского джентльмена, заявил:

> «Я не знаю, сколько нефти имеется в районе Мосула и можно ли ее выгодно эксплоатировать. Англия должна лишь сдержать свое слово, данное правительству Ирака.[1]

Подобно лорду Керзону, господа, распоряжающиеся миром на земле, тоже не имеют ни малейшего представления о том, существует ли вообще нефть на земле. Но как же сильно однако это развитие к демократии пахнет нефтью!

* * *

Существует еще одна «гарантия мира»: Лица Наций. Правда, она является изобретением не второго Интернационала, а графа Муравьева, который уже 30 декабря 1898 г. в открытом письме к правительствам всех стран заявлял, что настало время покончить со всеми морскими и сухопутными вооружениями. Герои мира, однако, полагают, что несмотря на неудачу идеи разоружения и Лиги Наций до войны, эта идея, благодаря прогрессу «разума» и демократизации европейских правительств, превратилась в спасительный оплот мира. Леон Буржуа, французский эксперт и инициатор Лиги Наций высказал по поводу этого «правового» института такую мысль:

> ...«На Лиге, в первую очередь, лежить обязанность защиты и охраны малых наций... Мы желаем подарить человечеству совесть, формулу гордости и свободы... Высоко над всеми правительствами появилась суверенная сила, которая будет направлять судьбы народов... Эта новая сила выросла из универсальной совести... Европа все более сознает себя моральной личностью, все более проникается сознанием, что она живой организм, душа, стыдящаяся всякого насилия и чувствующая свой долг по отношению ко всем. Мы можем спокойно взирать на будущее».[2]

[1] Как видно, дело опять идет об освобождении Лигой Наций.
[2] Леон Буржуа: «За Лигу Наций». *Прим. автора.*

Платон со всей своей философской школой не более, как мальчишка по сравнению с представителем французского империализма в Лиге Наций. Читаешь эту идиллию и невольно вспоминаешь стихи Гейне о золотых лучах счастья, о розах, о вечном мае, и т. д.

Мы убеждены, что те же чувства переживают и арабы, и негры Конго, и жители Месопотамии, Сирии, Киликии и Палестины, которые, — о, невыразимое счастье! — ежедневно и ежечасно могут наслаждаться Лигой Наций.

Лига Наций действительно была создана для малых народов. В статутах этого священного учреждения мы читаем, что народы, достигшие известной ступени развития, но неспособные еще к самоуправлению, управляются лицами, получившими на это мандат от Лиги Наций. Мировую войну вели под знаком освобождения народов, а теперь избрали эту формулу для «освобождения» колоний. Англия получила изрядное количество подобных мандатов в Африке и Азии. Не осталась в долгу и Франция. Пуанкаре заявил:

> «Мы получили от Лиги Наций мандат на Сирию и Ливан для того, чтобы воспитать живущие там народы в любви к независимости и свободе».[1]

Третья республика умело внедряла в население Сирии и Ливана эту любовь к свободе, ведя в течение многих месяцев беспощадную партизанскую войну с туземным населением.

Существует особая литература, которую читают, к сожалению, очень немногие. Это—военные донесения из колоний. Если по прихоти изменчивой судьбы города Европы будут преданы когда-либо огню и мечу азиатскими и африканскими племенами, будет уместно вспомнить об этой литературе. В военных донесениях мы читаем:[2]

> «Во время полного перемирия нашим войскам пришлось вести кровавые партизанские войны. Это было тем более необходимо, что деревни тянутся длинной полосой вдоль линий железных дорог, не имея

---

[1] «Восточная корреспонденция», Ноябрь 1922 г.

[2] Готеро: «Франция в Сирии и Киликии»; Е. Бремонте: «Киликия от 1919 до 1920 г.»; П. Лиотэ: «Драма Востока и роль Франции».

ни географической столицы, ни политического центра. Но в долинах, от оазиса до оазиса, нас поджидали вооруженные туземные банды. Мы могли добиться безопасности Киликии, лишь благодаря чрезвычайной энергии и силе воли, и завоевать Айнтаб, беря с бою каждую пядь земли... Эта блестящая победа привела нас затем к соглашению с Лондоном... В 8 ч. 30 м. наши батальоны бросились в атаку. Африканцы, дьявольские сенегальцы рвались вперед с победными криками. Звуки диких песен, распеваемых африканскими неграми, звуки нуабы, плясовой песни из Алжира, сливались с криками марокканцев и веселым пением «Маделоны» из сердца Парижа».

А сколько было при этом выпито алкоголя?

Во всяком случае, все это происходило по поручению Лиги Наций — союза народов. Эти звуки песни парижских уличных мальчишек, парижских пролетариев, сражавшихся плечо к плечу с черными и коричневыми кули, являются официальной мелодией Лиги Наций. Под знаком этой песни и этой мелодии господа земли подарят нам мир! Ну, как же не поверить этому?!

Мы привели все данные, чтобы доказать следующую азбучную истину: Лига Наций является попыткой образования финансового консорциума для установления легальной мировой гегемонии англо-американских королей железа, угля и нефти. Америка, правда, не вошла в Лигу Наций; однако, это не имеет значения, ибо Англия приготовляет пути, а Соединенные Штаты доверяют лондонскому Сити.

* * *

Мы не желаем и не можем установить точную дату ближайшей войны... Пророчество — неблагодарное занятие...

Великие и малые святые из святцев уже не раз основательно компрометировали себя в дни истечения назначенных ими сроков. Но не в этом дело. Решающее значение имеют тенденции эпохи, и их-то мы, надеемся, вскрыли. Мнения экспертов очень сильно расходятся по вопросу, какова будет стратегия и тактика ближайшей мировой войны, если только пролетариат не разобьет молотом и мечом все, что ведет к войне, или если господа пацифисты будут продолжать рассказывать свои

сказки. Без сомнения, несмотря на новые средства войны, на газы и аэропланы, старые средства будут еще играть большую роль. Так, например, во время войны говорили, что подводные лодки сделают совершенно излишними большие линейные корабли, но этот взгляд был ошибочен. Химия будущей войны не вытеснит артиллерию, но будет развиваться параллельно с ней. Большую роль будут играть корабли на нефтяном топливе. Великобритания в этом отношении займет первое место:

«Обслуживание паровых котлов при нефтяном топливе весьма удобно и позволяет, по сравнению с судами на угольном топливе, значительно сократить количество кочегаров.

«Чрезвычайно повышенные требования, предъявленные войной к промышленности всех стран, особенно Германии, сильно двинули вперед (особенно в Германии), постройку нефтяных судовых двигателей, что было бы совершенно невозможно при иных обстоятельствах, даже в течение гораздо более долгого периода. Такое же развитие показал двигатель для подводных лодок. Необычайные его успехи вернули доверие к двигателю Дизеля».[1]

«Старания всех морских держав усовершенствовать воздушный военный флот, доказывают, какое значение придается этому новому оружию в морской войне: Америка в бюджете 1923 г. требует для гидропланов 15 миллионов долларов, Япония — 23 миллиона иен. Новые английские аэропланы будут покрывать расстояния от 2400 до 3000 морских миль. Кроме того, предполагается постройка транспортного флота из 1400 аэропланов. Из них сперва будет построено 120, с грузоподъемностью в 36 человек экипажа с оружием и полным снаряжением... Предполагаемый к постройке американский цеппелин имеет объем в 7000 кубических метров, машины в 2000 лош. сил, скорость в 130 километров в час и, при запасе топлива в 20 тонн, длину полета в 5100 километров... Еще грандиознее проект воздушного корабля, предназначаемого также для Америки. Корабль этот

---

[1] Старший морской инженер В. Лаудахен: «Судовой нефтяной двигатель во время и после мировой войны».

будет иметь объем от 100 000 до 150 000 куб. метров.» длину в 275 метров, диаметр в 35 метров и подъемную силу для экипажа в 50 человек и груза в 90 тонн. Нападение миноносца или аэроплана на линейный корабль всегда предполагает в атакующем необычайное хладнокровие и презрение к смерти, в виду колосальных средств обороны такого корабля. В виду этого, были сделаны попытки подводить взрывчатые вещества, как с воздуха, так и на воде, непосредственно к врагу с помощью лодок и аэропланов, управляемых действием на расстоянии. По сообщению газет, Англия в последнее время тоже строит такие лодки, которые наполняются сильным взрывчатым веществом и направляются против врага при помощи радио с безопасного расстояния, точно как огромные мины... Американцы по тому же принципу построили аэропланы. Говорят, что в Италии сконструировали особую «целевую» бомбу. При опытах ее сбросили с высоты 3000 метров на расстоянии 10 километров от цели. После недолгого падения она перешла в скользящий полет, остановилась над целью, вновь приняла вертикальное направление и со страшной силой ударила в цель».[1]

Английский генерал Кроус, командовавший воздушными силами Англии в мировой войне, пишет:[2]

«Будущая война начнется фазой воздушных операций, способных сами по себе привести к решительным результатам. Лица, оспаривающие это, незнакомы с успехами авиационной техники. Я полагаю, что общий вес бомб, сброшенных в последней мировой войне на Лондон, равняется 12 тоннам. Теперь можно сбросить на нашу столицу несколько тысяч тонн в течение суток. Эдиссон думает, что можно отравить Лондон газами в течение 3 часов, а лорд Биркенхэд полагает, что Лондон, согласно мнению экспертов, можно уничтожить в 12 часов».

Читая эти описания в «Таймсе» нельзя, конечно, забывать, что английскому генералу необходимо побудить

---

[1] Старший морской инженер Ангут: «Линейный корабль, подводная лодка и аэроплан».
[2] «Таймс», 23 июля 1923 г.

английское население к принятию мер для вооружения против этих опасностей. Все же и в будущей мировой войне, как и прежде, главная роль останется за человеком; ведь это он, в конечном счете, должен обслуживать все машины. Поэтому, одна из самых важных и опасных задач заключается в обработке его головы, в создании его мнения. Будущая война, как предполагают французские военные круги, будет в полном смысле слова войной масс. Один французский офицер, сохраняющий свое инкогнито, пишет под именем капитана А. Л.:

> «Влияние механического оружия приведет на самом деле не к уменьшению, а лишь к иному распределению человеческого материала. Параллельно с усовершенствованием оружия, войска обнажают свою боевую линию и отходят вглубь страны. Людские кадры остаются теми же, но они располагаются уступами назад, пока фронт не распространится на всю страну.
>
> Количество, стало-быть, вовсе еще не потеряло своего значения. Нация, обладающая наибольшим количеством индивидуумов, создает также и наибольшее количество военных материалов, если только она будет получать необходимое сырье. Во всяком случае, при одном и том же качестве материала количество будет иметь решающее значение. Если двум нациям придется одновременно создать материал одного и того же типа для 300 дивизий, а одна из них добудет продовольствие, вооружение и запас лишь для 200 дивизий, то исход борьбы очевиден!»[1]

О газах военная литература хранит молчание по весьма понятным причинам: желательно застигнуть противника врасплох. Одновременно с планом Дауеса изобретают и газ под названием «Идеал». Этот газ лишен запаха, действует через ухо на чувство равновесия человека и доводит его до сумасшествия. Во всяком случае, в будущей войне, поскольку можно судить по военной литературе, исчезнут тыл и тыловые учреждения.

Мы здесь ограничиваемся лишь короткими заметками, но мы нисколько не думаем, что ужасы будущей войны

---

[1] Капитан А. Л.: «Убьет ли цивилизация войну?»

сделают войну невозможной. Если бы кто-нибудь рассказал римским легионерам об аэропланах и военной технике прошлой мировой войны, то философ Сенека написал бы трактат под заглавием: «Шесть книг о том, почему будущая война—глупость», и посвятил бы его Нерону. Во всяком случае, успехи техники способствуют не предотвращению войны, а, наоборот, ее приближению.

«Отечество» всегда надо защищать, когда этого захочет лондонское Сити, или когда французские империалисты откроют в Малой Азии «жизненные интересы» нации, и не помогут тогда протесты пацифистов и заявления профсоюзов о том, что пролетариат желает мира!..

Мы же ставим вопрос: можно ли быть разборчивым в средствах для борьбы с *подобным* общественным строем?

* * *

Если бы спросили русского красноармейца на границах его социалистического отечества, польского или французского солдата, американского или английского матроса, желают ли они пролить хоть одну каплю крови за лавры победоносного сражения,—все эти миллионы людей ответили бы, что они желают мира. Во всех городах и селах, во всех пяти частях света все люди желают мира, все, кроме кучки спекулянтов, обогащающихся и во время мира и во время войны. Вот единственное желание всего человечества! На этот факт напирают пацифисты, в этом факте ищут опоры те правительственные социалисты всех стран, которые сделали библию буржуазного пацифизма основой своего мышления. И тем не менее, война может разразиться каждый день и каждый час, угрожающе подняться перед миром и сказать: *Я здесь!* Преступление «друзей мира» состоит в том, что они нарочно оставляют массы в неведении относительно природы капитализма, который не может измениться так же, как океан с его приливом и отливом. *Воля* человечества сама по себе ничего не значит, ибо мы живем в рабских цепях трестов и монопольных компаний. Воля освободится лишь тогда, когда будут разбиты эти силы!

Капитализм обладает необычайно живучей, исторически сложившейси организацией. Он властвует над общественным организмом и над всеми его нервами до мозга самого

незначительного человека. В любой момент он может доказать, что «отечество» подвергается нападению, что ему грозят «чужие когорты». Тогда он извлекает мужчин из самых отдаленных комнат, из самых забытых деревень, соединяет миллионы людей в батальоны и кружит их, как ветер пушинку.

Огромная задача стоит перед нами: мы должны доказать безнадежность всего капиталистического строя и невозможность «исправить» ее Лигой Наций будущей войны. Дело идет не о желаниях, а о фактах. Если бы «моралисты» всех стран высчитали, что человеку лучше иметь три глаза, чем два, — это было бы, может-быть, столь же правильно, как и невозможно.

Войны — необходимые этапы империалистического развития. Ни христианская церковь, ни церковь буржуазного радикализма ничего не могут сделать против этого. Воинственная политика — такой же жизненный элемент капитализма, как и наемный труд. Она представляет собой количественный рост нормального развития капитализма. Она стремится к столь заманчивому экономическому завоеванию Китая, Индии, Персии, Месопотамии. Монопольный капитализм создал мировое хозяйство, а мировое хозяйство превращает каждую войну в мировую войну и делает классовую войну единственной защитой и средством в борьбе против империалистической войны. Лишь работа в этом направлении, — работа по завоеваниию и мобилизации масс, — лишь такая работа представляет собой борьбу против войны. Мы работаем в этом направлении не тем, что каждую субботу после обеда провозглашаем гражданскую войну, а тем, что объединяем все силы мира против империализма.

В течение многих столетий лозунгом политики господствующего класса были слова римского завоевателя мира:

«Если хочешь мира, готовься к войне».

Пролетариат всех стран, желающий мира, должен избрать лозунгом своей мировой политики против империализма следующее положение:

«Если хочешь мира, готовься к гражданской войне».

Этим лозунгом мы перенимаем лишь общий девиз всех социалистов до 1914 года: «Лучше война гражданская, чем империалистическая!»

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Глава первая. Стр.

От начала развития буржуазного торгового капитала до эпохи свободной торговли 7

Мировое господство Испании. — Мировая политика Голландии. — Нарождение мирового могущества Англии. — Французская революция и Англия. — Гибель Наполеона. — Священный союз.

Глава вторая.

Европейская политика после 1870 г. 15

Объединение Германии. — Внешняя политика Бисмарка.

Глава третья.

Колониальная политика и экспорт капитала 18

Глава четвертая.

Политические силы, приведшие к мировой войне 23

Великобритания и Ирландия. — Франция. — Россия. — Америка. — Германия. — Германская мировая политика. — Роль подданного в мировой политике. — Путь к катастрофе. — Китай. — Марокко. — Багдадская железная дорога. — Ложь о войне.

Глава пятая.

Во время мировой войны 48

Способ ведения войны Антантой и способ ведения войны центральными державами. — Союзники Германии и союзники Англии. — Брест-Литовск. — Легенда о «кинжале в спину». — Революционная борьба во время войны.

Глава шестая.

Империализм и пацифизм 67

Революция и пацифизм. — Революционный путь Первого Интернационала. — Второй Интернационал и Россия. — Второй Интернационал и империализм. — Послевоенные теории Гильфердинга.

Глава седьмая.

Большая политика после Версаля 80

Версальский мир. — Могущество Америки. — Вашингтон. — Пробуждение колониальных народов. — Россия. — Франция. — Германия и репарации.

Глава восьмая.

Война или революция 96

Силы пацифизма. — Пацифистские правительства. — «Разоружение» Англии. — Разоружение и нефть. — Лига наций. — Сила и размеры будущей войны. — Империализм и гражданская война.

70 коп.
р

15234

